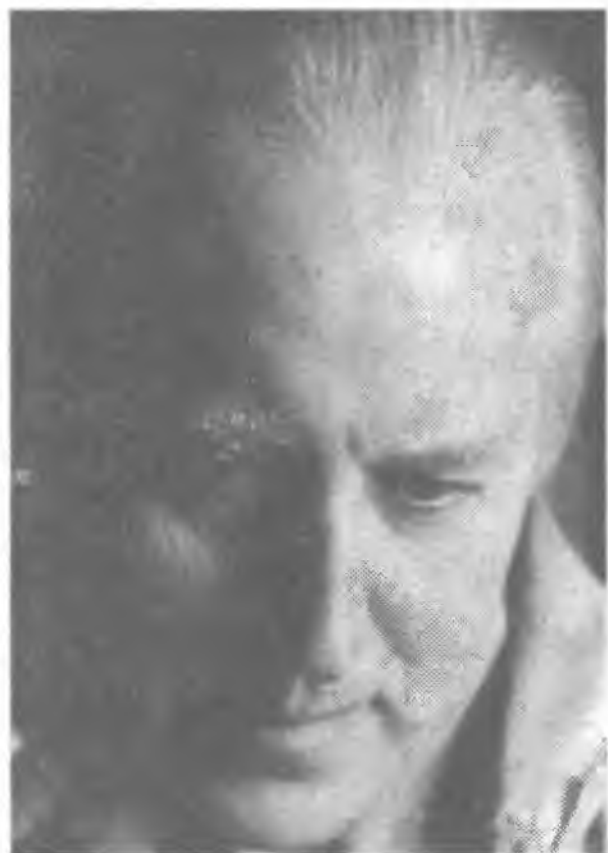

ГОВАРД БАРКЕР

[156]

ИЛ 10/2014

Возможности

Пьеса в десяти сценах

Перевод с английского и вступление
АЛЕКСАНДРА СЕРГИЕВСКОГО

Говард Баркер, один из ведущих британских драматургов, автор нескольких десятков театральных, телевизионных и радиопьес, дебютировал в конце 60-годов, а к середине 70-х получил известность как автор окрещенных многими критиками “пьес катастроф”. И действительно, насилие, разочарованность и опустошенность, истощенность привычных форм социально-культурного бытия — вот только некоторые из излюбленных тем и мотивов в драмах и комедиях Баркера. Их откровенная публицистичность проявляется в переплетении непосредственного изображения событий с философскими, лирическими отступлениями: прямым обращением героев в зал, комментированием событий, участниками которых они являются... Не брезгает Говард Баркер и характерными для британского театра традициями социально-психологической драмы и комедии, тяготеет к шаржу, карикатуре, гротеску. Действие в его пьесах строится на контрастах, коллизии подчеркнуто драматичны. Читателям/зрителям предлагается самим определять свою позицию по отношению к происходящему. Мрачный колорит, “черный”

© Howard Barker 1986

“All rights whatsoever in this work are strictly reserved and application for performance, etc, should be made before rehearsal to Judy Daish Associates Ltd, 2 St Charles Place, London W10 6EG, England. No performance may be given without a licence first having been obtained”.

© АЛЕКСАНДР СЕРГИЕВСКИЙ. Перевод, вступление, 2014

юмор, пафос отвращения к любой официальной идеологии, нарочитая профетичность — отличительные черты его театральной продукции. Целый ряд пьес написан драматургом на исторические темы, в том числе и соотнесенные с современностью. В таких драмах (а точнее трагикомедиях) ставится проблема выбора в условиях исторического и политического насилия. Этими пьесами Баркер делает заявку на обновление жанра исторической драмы, характерной формой которого становится у него своего рода политический балаган, “действие” ряженных. По устоявшемуся в британской критике мнению, они тяготеют к “пост-брехтовской” и далее — “после-бондовской” драме — отсюда и общение действующих лиц со зрительным залом. К этому направлению баркеровской драматургии принадлежит и пьеса “Возможности” (первая постановка — 1987 год). Вместе с тем свидетельствует она и о новом скачке в развитии творчества британского драматурга: в представленных в ней ситуациях нагнетения политического и идеологического давления единственным прибежищем свободы — по Баркеру — может оказаться инстинктивный отказ от логики поступков и мышления — в том числе и на уровне языка, о чем свидетельствуют лексические и грамматические сбои в речи персонажей.

“Возможности” в первый — и последний — раз были поставлены на российской сцене в сезоне 1988—1989 года, то есть вскоре после премьеры пьесы в британских театрах. Игралась пьеса в Москве, в помещении ДК им. Зуева — на площадке незадолго до того созданного Союза театральных деятелей СССР. Перевод был сделан едва ли не сразу после лондонской премьеры: английский текст попал ко мне от Анатолия Васильева, руководителя знаменитой Школы драматического искусства, только что вернувшегося тогда из Англии, с предложением перевести его для будущей постановки. Таковая, однако, не сложилась, после чего я показал пьесу Владимиру Мирзоеву, осуществлявшему в тот период свои первые театральные проекты. Игралась пьеса в два вечера: Мирзоев поделил ее пополам с Владимиром Климом, и оба режиссера — отобрав каждый по пять сцен — работали над ними независимо друг от друга.

Экстаз ткача при открытии нового цвета

Действующие лица

ЖЕНЩИНА

МУЖЧИНА

ДЕВУШКА

МАЛЬЧИК

ПЕРВЫЙ СОЛДАТ

ВТОРОЙ СОЛДАТ

Турецкая семья ткёт ковер. Слышны разрывы снарядов. Все прислушиваются

[158]

ил 10/2014

Женщина. Нервы. Я стараюсь, но у меня нервы...

Мужчина. Я тебя обогнал. Теперь из-за твоих нервов я должен ждать.

Женщина. Игла идет как-то...

Мужчина. Игла идет туда, куда ты ее посылаешь.

Неподалеку разрывается снаряд.

Женщина (*бросает иголку*). Ты видишь: у меня нервы.

Девушка. На все Божья воля, даже на то, куда упадет снаряд.

И наши нервы не могут ни толкнуть его дальше, ни остановить.

Женщина. Знаю, знаю.

Мужчина. Подними иголку.

Девушка. Если мы будем останавливаться из-за каждого снаряда, то, когда осада окончится и снова начнется торговля, у нас будет слишком мало ковров.

Женщина. Все это я и без тебя знаю.

Девушка. Знаю, что ты знаешь. Я не читаю тебе лекцию.

Мужчина. Существует множество ужасных вещей, но хуже всего, когда кончаются запасы, приготовленные для продажи.

Женщина. И это я знаю. Даже моя собственная смерть была бы не таким несчастьем.

Мальчик. И моя.

Женщина. Да, и твоя тоже. Но я не могу держать иголку, когда эти...

Мальчик (*выглядывает в окно*). Наша армия отступает.

Мужчина. У Бога на все есть причины.

Мальчик. А вдруг христиане войдут в город?

Мужчина. Значит, так захочет Бог.

Снова звук взрыва, затем — крик где-то поблизости. Пауза.

Мужчина. Ты остановился. Почему перестал работать?

Мальчик. Я должен взять винтовку убитого. Я должен...

Мужчина. Ты должен закончить ковер.

Мальчик. А если христиане повесят нас?

Девушка. Не повесят. Они посмотрят на ковер и спросят, как обычно: “Как это вы ткете свои ковры?”

Мальчик. Они тебя отпихнут, повалят и задерут юбку — на ковре или не на ковре.

Девушка. Как я могу ткать, когда он говорит такое? Как я могу ткать?

Мужчина. Ты не сделал целый ряд стежков. Пропустил целый ряд.

Мальчик. А из тебя они выпустят кишки, во имя Христа.

Мужчина. И еще один ряд. Мы позволяем, чтобы ветер этих боев разрушил нашу семью. Посмотри, я работаю не останавливаясь. И пальцы мои двигаются так же быстро, как всегда. Я ни на что не обращаю внимания и продолжаю работать. От страха перед историей я не пропустил ни одного стежка.

Девушка. Сейчас восстановлю тот ряд, который пропустила.

Мужчина. У нее это получится. Она знает, что вся боль уйдет в ковер. Ткать такой ковер научил меня мой отец. А его научил его отец. И так до самого начала. И ни христиане, ни татары, ни курды, ни Чингисхан, ни царь — никто не изменил его рисунка. В тебе, мальчик, который мечтает о винтовке, живет дух народа. В этих нитках записано его послание.

Мальчик. Знаю.

Мужчина. Говоришь, что знаешь, но все равно предпочитаешь винтовку.

Мальчик. Потому что без винтовки не будет ковра. Не знаю почему, но ковер и винтовка — одно и то же.

Поблизости вновь разрывается снаряд. Женщина в испуге вскакивает и испускает крик. Невзирая ни на что, мужчина продолжает работать.

Женщина. Не останавливайтесь, не обращайтесь на меня внимания.

Взрывается еще один снаряд. Женщина снова вскрикивает.

Все в порядке. Продолжайте. Я только....

Девушка. Только ты сядь. Если будешь стоять, в тебя могут попасть осколки.

Мальчик. В коня попали.

Сцену заливают кровью.

Мужчина. Может, осада уже закончилась. Тогда мы сможем поесть. Но для этого нужны деньги. Еда стоит денег. А нам нечего будет продать, если у нас не будет запасов. Все зависит от них. Запасы — это жизнь.

Девушка. Пальцы двигаются быстрее, когда думаешь о еде.

Женщина. Простите меня. Я всем уже плешь проела со своими нервами. Простите меня и мои нервы.

Девушка. Мы понимаем. Ведь ты уже не так молода, как прежде.

Женщина. Я всегда была хорошей работницей.

Мужчина. Твои пальцы работали, как муравьи. Ничем их было не возмутить, эти пальцы, ничем не остановить. Я всегда восхищался ими.

Женщина. Я работала быстрее всех в городе.

Мужчина. Да, она работала быстрее всех, и я не колебался, я сказал себе: “Эта женщина должна быть моей женой”.

Женщина. Взрывы мешают мне сосредоточиться.

Звук очередного взрыва.

Мальчик. Мужчину убили в саду. Человека убили.

Сцену заливают кровью.

Мальчик. Я должен занять его место.

Мужчина. Если ты не доделаешь бахрому, мы никогда не закончим этот ковер.

Мальчик. Но христиане возьмут город.

Мужчина. Они и раньше его брали.

Мальчик. Вот именно такой подход, я извиняюсь за эти слова, именно подобный подход и позволяет им возвращаться. Впрочем, это не мое дело, мое дело — бахрома.

Мужчина. Еще шерсти. Не видишь, что у меня закончились нитки? Дай еще шерсти.

Девушка встает и идет за шерстью.

Согласен. Это нападение и меня выбило из колеи. А то шерсть была бы рядом.

Возвращается Девушка с катушкой шерсти. Раздается взрыв. Она поскользывается на крови, разлитой по сцене, и падает.

Мальчик. Что с тобой? Все в порядке?

Девушка. Со мной все в порядке. Не останавливайтесь, работайте. Со мной все в порядке. Я всего лишь поскользнулась на лошадиной крови.

Мальчик. Или на человеческой. Не двигайся, осколки еще летают.

Девушка (*подползает к ним*). Простите меня. Я поскользнулась.

Мужчина. Мы работаем, чтобы есть. Мы ткем не только ради самого ковра, но и ради того, что сможем купить на него. Давай сюда шерсть.

Девушка. Прости, но шерсть испорчена. Когда я поскользнулась, она упала в лошадиную кровь.

Мальчик. Я уверен, это была человеческая кровь.

Девушка. Надо вернуться.

Женщина. Смотри, осторожнее. Берегись осколков.
Мужчина. Покажи. (*Пауза.*) Посмотри, какой цвет. Шерсть была бледной, а теперь она окрашена кровью.
Девушка. Пойду принесу другую.
Мужчина. Подожди. Посмотри: когда она высохнет, мы получим другой оттенок красного. Я уверен, такого у нас нет.
Девушка. Так принести еще?
Мужчина. Принеси еще и вымочи ее в крови.
Мальчик. Но это — кровь человека.
Мужчина. Да. Поэтому, когда она кончится, ты побежишь в больницу.
Девушка. В больницу?
Мужчина. И попросишь у них ведро крови.
Мальчик. Той, что вылилась из ран?
Мужчина. Да. Видишь, какой у нее оттенок? Совсем не такой, как у бычьей крови.
Женщина. Красивый и необычный.
Мужчина. И у нас появятся новые покупатели. Они разохвоятся: “Ни у кого, кроме вас, не получается шерсть с таким оттенком красного”.
Мальчик. Но ведь это...
Мужчина. Это — дар Божий. А ты не хочешь принять его. Ты не веришь Его чудесам. Ступай, если хочешь, и пусть тебя застрелят христиане. Иди и умри в окопах, и пусть тебя разнесет снарядом.
Женщина. Ш-ш-ш...
Мужчина. Говорю тебе, что в разных городах мира будут торговаться из-за наших ковров и рвать их из рук.
Мальчик. Это даже не кровь христиан.
Мужчина. А чем ее цвет лучше?
Девушка. Мой брат не умеет принять дар, посланный небесами.
Мальчик. Умею, но...
Мужчина. Эта война закончится — все войны когда-нибудь заканчиваются. И тогда мы больше не сможем иметь шерсть такого оттенка.
Мальчик. Так перережь кому-нибудь горло.
Мужчина. Ты не сделал ни одного стежка, зато хамить мне ты уже научился.
Женщина. Ш-ш-ш... кажется, пушки умолкли.
Мальчик. Флаг с полумесяцем спускают.
Мужчина. Иглу, быстрее.
Женщина. Пушки умолкли.
Мальчик. Мы разбиты.

ДЕВУШКА. А христиане дадут нам хлеба?

ЖЕНЩИНА. Хлеба? Да их собственные солдаты дохнут с голоду.

МУЖЧИНА (*обращаясь к Мальчику*). Скорее, в больницу!

Мальчик выходит. Пауза. Ткачи работают. Входят два солдата. Глядят на ткачей.

ПЕРВЫЙ СОЛДАТ. В городе мы обнаружили своих солдат, они были распяты, у некоторых выколоты глаза, у других отрезаны члены, и теперь они торчат у них изо рта.

ВТОРОЙ СОЛДАТ. Теперь любое зверство сойдет нам с рук. И мародерство. И всех девственниц можно теперь дырять, за это тоже ничего не будет.

ПЕРВЫЙ СОЛДАТ. Я беру этот ковер.

Мужчина, вцепившись в ковер, не отдает.

ВТОРОЙ СОЛДАТ. Не будь идиотом.

МУЖЧИНА. Мои ковры!

ВТОРОЙ СОЛДАТ. Что он сказал? Оскорблять? Нас?

Закалывает его. Женщина замирает в остолбенении.

ПЕРВЫЙ СОЛДАТ. А где девушки? (*Повернувшись к Девушке.*)

Иди за мной. Мне нужна служанка, для стирки и прочих удовольствий.

Девушка встает. Второй солдат сворачивает ковер.

ПЕРВЫЙ СОЛДАТ. Не пугайся. Я добрый. Могло быть и хуже.

Солдаты и Девушка уходят. Женщина пытается закричать, но не может издать ни звука и только разевает рот. Возвращается Мальчик.

МАЛЬЧИК. Ковер?!

Поцелуй мне руки

Действующие лица

ГОЛОС

ЖЕНЩИНА

ПЕРВЫЙ ТЕРРОРИСТ

ВТОРОЙ ТЕРРОРИСТ

ТРЕТИЙ ТЕРРОРИСТ

МУЖ

РЕБЕНОК

Повторяющийся стук в дверь. Женщина в ночной рубашке появляется из комнаты.

Женщина. Мы не открываем дверь ночью.

Голос. Мы попали в засаду. В моего друга стреляли.

Женщина. В засаду?

Голос. Террористов.

Женщина. Каких террористов?

Голос. Поверьте нам.

Женщина. Почему?

Голос. Потому что вы человек, а не собака.

Женщина. Я не собака, но вы можете оказаться...

Голос. Тогда нам придется искать другой дом. И наш друг умрет.

Женщина. Хорошо, открою.

Голос. Господь благословит вас за вашу гуманность.

Женщина. Надеюсь.

Открывает дверь. Врываются террористы.

Первый террорист. Где он?

Второй террорист. В спальне.

Третий террорист. В кухне.

Женщина. О Господи! Сделай так, чтоб я оглохла, а вы навсегда онемели. Вы убили всякое понятие о порядочности. Вы убили язык. Вы террористы.

Первый террорист. Да, мы террористы. И жаль, что приходится работать так. Но твой муж и такие, как он, должны быть выжжены из нашей жизни, как бородавки. А потом мы приведем сюда хороших соседей. И тогда не понадобится вам больше запиравать двери, я обещаю.

Террористы впихивают в комнату ее мужа, голого и связанного.

Муж. И ты ихпустила?!

Женщина. Прости меня. Я только...

Муж. Ты помогла нашим врагам. Теперь они убьют меня.

Женщина. Я не смогла переступить через инстинкт соседства. Прости меня.

Муж. Я умру из-за твоей наивности.

Женщина. Отпустите его. Вы обманули меня.

Второй террорист. Когда-нибудь все снова войдет в норму, и, когда в вашу дверь постучат, вы без страха откроете ее.

Женщина. Никогда больше не открою дверь.

Первый террорист. Оттащите его в лес и пристрелите.

Женщина. Никогда больше не открою дверь.

Муж. Вы заставили меня ненавидеть жену в последние минуты моей жизни: я не чувствую ничего, кроме злобы.

Второй террорист. Вот и хорошо. Ты должен пострадать за свои грехи. Надеюсь, что твой ребенок будет плевать на твою могилу.

ПЕРВЫЙ ТЕРРОРИСТ. Когда мы уйдем, закрой дверь.

ЖЕНЩИНА. Оставьте нас одних. Дайте нам побыть вдвоем.

ПЕРВЫЙ ТЕРРОРИСТ. Если мы это сделаем, ты нас обманешь.

ЖЕНЩИНА. Клянусь вам, что не обману.

ПЕРВЫЙ ТЕРРОРИСТ. Разве я могу верить твоей клятве?

Ведь мы жестоко обманули тебя, и ты будешь права, если предашь нас. В борьбе, которую мы ведем, нет места прежним правилам. Тащите его!

ЖЕНЩИНА. Прости меня.

Муж. Я очень этого хочу, но из-за твоей ошибки я погибну. А мне еще столько надо было сделать... Кто заменит меня в деревне? Я мог бы помочь очень многим. Очень многим. Но гибну из-за твоей ошибки.

ВТОРОЙ ТЕРРОРИСТ. Вот это мне нравится. Я никогда не думал об этом.

ЖЕНЩИНА. Постарайся. Постарайся простить.

Муж. Я очень хочу.

ЖЕНЩИНА. Ну, тогда постарайся.

Муж. Подождите, не тащите меня.

Смотрят на него.

Чтобы выжить, мы должны научиться всему, что забыли, и разучиться всему, чему нас научили. Тогда мы сможем преодолеть нашу бесчеловечность. А теперь поцелуй мне руки. *(Вытягивает свои связанные руки, и она целует их.)* Ну вот, и снова все хорошо.

Его выталкивают за дверь. Женщина стоит не двигаясь. Опускается на колени. Пауза.

ДЕТСКИЙ ГОЛОС. Мама...

Пауза. Входит РЕБЕНОК.

РЕБЕНОК. Что это был за шум?

ЖЕНЩИНА *(смотрит на него)*. Это были убийцы.

РЕБЕНОК. Мама, ну не надо. Не будь...

ЖЕНЩИНА. Принеси подушку со своей кровати.

Он выходит, возвращается с подушкой.

Дай сюда подушку.

Он подает ей подушку. Она прижимает подушку ему к лицу. Он пытается вырваться. Кажется, что их борьбе и объятиям не будет конца. Внезапно она отбрасывает подушку и обнимает его.

Я открою дверь. Я открою дверь.

Необходимость проституции в развитых обществах

Действующие лица

[165]

ИЛ 10/2014

Старуха

Молодая женщина

Молодой человек

Старуха сидит в кресле. Рядом переодевается Молодая женщина.

Старуха. Как просто, думала я когда-то, бродила по комнатам особняков, ступала по разбитым стеклам и думала: как просто... Повсюду горят их бумаги, письма, а мы переходим из комнаты в комнату, размахиваем палками, на которые нацепили их корсеты, лифчики и прочее... Как просто. Почему мы раньше не начали все это? — думала я, а сверху сыпались мягким дождем хлопья пепла от горящих полицейских бумаг. Как стало чисто и как все быстро... И вдруг — выходя через черный ход — вижу, как наши люди выносят из огня большие картонные коробки, а в них — документы, документы полиции. И тогда мне пришло в голову: а может, все это и не так просто...

Молодая женщина. Зачем ты мне всё это рассказываешь? Ведь я об этом ничего не знаю, и мне это совершенно безразлично.

Старуха. Я должна рассказать. Почему ты не хочешь ничего знать об этом?

Молодая женщина. Все книги толкуют о том же старье. И все фильмы — о том же.

Старуха. Мы должны рассказать об этом.

Молодая женщина. Все одно и то же: герои и героини, красные повязки и винтовки, которыми вы размахивали...

Старуха. Но ведь это так и было.

Молодая женщина. Лицо рабочего. Грязный, и все улыбается.

Старуха. А ты все занята своими чулками, все подтягиваешь петли, все любишь каблуками — не можешь оторваться от своих высоких каблуков.

Молодая женщина. Я не просила тебя любоваться моими ногами. Этим занимаются партийцы.

Старуха. Пол-Европы готова объехать в поисках нижнего белья.

Молодая женщина. Партийные боссы будут недовольны, если в спальне окажется, что у меня нижнее белье не по

моде. Скажут: “Мы что, не заслужили шлюшек повыше классом? Мы, дети и избранники народа?” Ты бы послушала их! Бормочут о пятидесяти годах борьбы, а когда тычутся носом мне в ляжки, так мои трусики искупают все принесенные в этой борьбе жертвы. *(Пауза.)* Или что-то вроде того. У меня ведь высшее образование, со мной не соскучишься.

Старуха. Мы были счастливы. Счастливее вас.

Молодая женщина. Нет, я счастливее вас. Потому что я не верю.

Старуха. Счастье в том, чтобы верить.

Молодая женщина. Ты просто оправдываешь свою жизнь, свою жуткую жизнь.

Старуха. В ней были ошибки.

Молодая женщина. Заблуждения.

Старуха. Ты называешь это заблуждениями, а я...

Молодая женщина. Заблуждения — их любимое словечко! *(Пауза.)* Прости. *(Пауза.)* Кричу на старуху. Прости меня. Молодые безыдейны и аморальны. Я смотрела по телевизору выступление Генерального секретаря, и он сказал: “Мы извиняемся перед народом, признаем наши заблуждения, и в этом — знак нашего величия. Пусть их судит народ. Но каковы эти заблуждения! Чем крупней заблуждения, тем с большей готовностью их надо прощать”. Прекрасно сказано. Порой мне представляется, что призраки казненных окружают кровать, на которой я совокупаюсь, и шепчут: “Твои заблуждения ничтожны, они лишь слегка тебя запятнали”. *(Пауза.)* Я не завидую тебе. Вернее, завидую твоим страстям. И ненавижу тебя за то, что ты ещё жива. Ты должна была погибнуть вместе с остальными. Но благодаря своей изворотливости избежала пули. Ты блаженствуешь в своих заблуждениях.

Старуха. История пошла не совсем тем путем, как я полагала в твоём возрасте. Она движется не по прямой, а...

Молодая женщина. Зигзагом. Как шов у съехавшего чулка. *(Пауза.)* Сегодня я обедаю с иностранным дипломатом. Я — дочь революции — отдаю своё тело разным продажным... После казино он ошалеет и, возможно, ему не удастся в меня войти. Таким образом, наша чистота имеет шанс быть спасённой. *(Пауза.)* Я могла стать директором какого-нибудь предприятия, но, когда увидела шлюх, поджидающих иностранцев, мне стало их жаль и захотелось узнать, в чем они нашли свое счастье.

Старуха. Счастье?

Молодая женщина. Вот именно, счастье. Ведь если счастья нет, то ради чего тогда дочери свободного общества занимаются таким делом? Либо находят там свое счастье, либо тут кроется еще одно заблуждение?

Старуха. Не знаю.

Молодая женщина. Не знаешь. *(Заканчивает одеваться.)*
Красавица, да и только! Какие зубы! А кожа?! Все же революция произвела превосходных девушек.

Выходит. Старуха смотрит ей вслед. Входит Молодой человек.

Молодой человек. Магда здесь? Или пошла в бордель? А вы почему...

Старуха. Она меня обидела.

Молодой человек. Сука она. Да еще с таким языком... Да, с таким язычком, как у нее, нетрудно привести мужчину в экстаз. А женщину заставить краснеть от стыда. На это она способна. Я восхищаюсь Магдой, я ее люблю, но она сука.

Старуха. Не буду...

Молодой человек. Не надо.

Старуха. Меня не заставить...

Молодой человек. Мы безыдейны. Мы так аморальны.

Старуха. ...сожалеть о своей жизни.

Молодой человек. Конечно нет. Ни за что.

Старуха. Не заставить.

Молодой человек. История движется не по прямой, а...

Старуха. Кто вам это сказал?

Молодой человек. Ну...

Старуха. Кто вам это сказал?

Молодой человек. Это всем известно.

Старуха. Всем?

Молодой человек. Еще из школьных учебников. Выпейте лучше бренди и...

Старуха. Нет.

Молодой человек. Хорошо, не пейте бренди. Я все равно не собирался тут оставаться.

Старуха. Как она могла? Как могла выбрать...

Молодой человек. Это — честная работа.

Старуха. Совсем это не работа и не честная.

Молодой человек. Это — работа. Услуги за вознаграждение. Работа.

Старуха. Но тело... Как мне хочется объяснить ей, но я ее боюсь. Я хочу сказать ей, что тело...

Молодой человек. У всех трудящихся имеется тело.

Старуха. Да, но сам акт любви... (*Смотрит на него.*) Думаю, что во многом я пошла на баррикады из-за любви. И швыряла гранаты по велению страсти. Однажды я перерезала горло полицейскому. Тоже от страсти. А он испытал еще более сильную страсть, чем я.

Молодой человек. И она испытывает страсть, когда мы совершаем это. Если я почитаю ее задницу как икону — подобно её клиентам, — то при чем тут разум партии?

Старуха. У вас нет души.

Молодой человек. Есть у меня душа.

Старуха. В таком случае, вы убиваете любовь.

Молодой человек. Мы убиваем любовь? А вы — с вашими убийствами? Во имя чего вы завели бухгалтерию убийств, уничтожали по спискам, запрещали, отказывали и отменяли, вырезали стариков, душили все, что было вам непонятно, выхолащивали любой намек на чудо, рубили под корень все, что не вмещалось в ваши головы и находилось за пределами необходимого, удушали народные верования, стирали с лица земли все идеальное и воображаемое, все, что звучало хотя бы малейшим диссонансом с вашими представлениями? И вы заявляете, что совершали это во имя страсти? Беретесь рассуждать о душе и о любви? О самом мистическом и загадочном? Да оттащить эту старую суку в подвал и прикончить выстрелом в голову! Нас разделяет пропасть. Прости меня. Ты оскорбила мою женщину. Во всяком случае, мне так показалось. (*Пауза.*) Прости меня. Молодые ведь безыдейны и безнравственны.

Пауза. Молодой человек выходит. Старуха сидит неподвижно. Встает, подбирает разбросанную одежду Молодой женщины. Встряхивает ее и развешивает на плечики.

*Только немногие смогут выдержать груз
познаний*

Действующие лица

ПРОДАВЕЦ КНИГ

МУЖЧИНА

ЖЕНЩИНА

На сцене появляется пожилой человек с ручной тележкой. Тележка заполнена книгами. Это — Продавец книг.

Продавец. Ветер на набережной. Обычный злой ветер. (*Пауза.*) Обычный птичий помет на книгах. Обычные злые

птицы. (*Пауза. Вытирает книги.*) Раньше меня возмущали птицы. Возмущал ветер. Но тогда я был молод. А теперь я говорю им: пожалуйста, испражняйтесь. Пожалуйста — дуй. Обычные выхлопные газы автомобилей. Все возрастающий поток автомобилей. Наши артерии забиты тревогой. Наши легкие повреждены выхлопными газами. Чистый заговор! И никто не знает об этом, кроме меня. Все вышло из-под контроля — настолько мы неподконтрольны! (*Перебирает книги.*) Вчера я продал книгу. Вернее сказать, я взял деньги и отдал книгу. Это именно то, что обычно означает продать. К сожалению или, напротив, к счастью, — поскольку едва ли не каждый поступок может оказаться промахом по зрелом размышлении, — не успел покупатель уйти, как по какой-то неведомой мне причине он вдруг вернулся, отдал книгу и попросил назад деньги. “Вы нарочно хотите помучить меня”, — сказал я ему. Но, обдумывая свои слова уже ночью, я пришел к выводу, что этот странный поступок, в сущности, был для меня благодеянием: ведь книга осталась у меня, и, следовательно, знания, которые она содержит, по-прежнему хранятся в надежных руках. Считаю, что миссия продавца книг — быть осмотрительным с теми, кто владеет книгами. (*Пауза. Хлопочет над книгами.*) Ясное дело, это не может долго так продолжаться. Этому не будет позволено длиться долго. Того гляди, они начнут действовать. Я и мои книги, мы будем уничтожены. Многие годы я живу с этим убеждением. И всегда интуитивно чувствовал, что такое время непременно наступит. Будут сожжены книги, и их продавцы — тоже. Вы думаете, костры имели место только в Средние века? Нет. И книги станут моим костром, а я — их костром. О, опять они испражнились на книги. (*Вынимает грязную тряпку и вытирает одну из книг.*) Мы не в силах ничего предвидеть! Совершенно не в силах.

Входит Мужчина. Пристально смотрит на Продавца. Тот чувствует этот взгляд.

Вот и полиция. (*Продолжает вытирать книгу.*) Я веду себя как подобает бродяге и таким образом не привлекаю внимания полиции и преступников. А тележка моя не выглядит как хранилище истины, способной перевернуть мир, — в ней бродяга всего-навсего хранит свой хлам.

Мужчина (*с опаской*). Ничего, если я...

Продавец. Пролистаете ее? Конечно, пролистайте.

Меня окружают. И даже не стараются скрывать свои намерения. Если принюхаться, то можно почувствовать запах горелой бумаги и сжигаемой плоти. Но хотя меня ожидает уничтожение — вот косится на меня кривоглазое, — я не сдаюсь.

Мужчина (*держит в руках книгу*). Я повсюду искал ее.

Продавец. Что?

Мужчина. Повсюду.

Продавец. Смотрите — она самая и есть.

Мужчина. Действительно, самая что ни на есть та самая.

Продавец. О да! Та самая.

Мужчина. Сколько она стоит? На ней нет цены.

Продавец. Нет есть.

Мужчина (*переворачивая книгу*). Где? Вот это ее цена? Вы это серьезно?

Продавец. Совершенно серьезно: это ее цена. А что?

Мужчина (*в изумлении*). Но это ведь...

Продавец. Вы серьезно хотите, чтобы каждый ее прочел?

Мужчина. Но...

Продавец. Ее цена — это, прежде всего, выражение ее власти.

Мужчина. Возможно и так, но...

Продавец. В любом случае я не собираюсь ее отдавать.

Мужчина. Вы хотите сказать, что она не продается?

Продавец. Да.

Мужчина. Но она лежит на прилавке. И на ней есть цена.

Продавец. Вы полагаете, это значит, что я хочу ее продать?

Нет, это ничего не значит. Ведь если я когда-нибудь пожалею о том, что продал ее, мне придется разыскивать вас. А куда вы к тому времени скроетесь, одному Богу известно. И потом, откуда мне знать, что вы способны понять ее смысл? Может, он за пределами вашего понимания. И тогда книга пропадет ни за что, все окажется напрасным: и старания автора, и того, кто ее печатал, и того, кто издавал. Все пойдет прахом. Преступно пропадет ни за что. Нет, я должен быть заранее уверен.

Мужчина. Но я нигде не мог найти эту книгу. Она мне нужна. Даже несмотря на то, что цена...

Продавец. ...отнюдь не абсурдна.

Мужчина. Возможно, не абсурдна.

Продавец. А если принять во внимание фактическое отсутствие этой книги в продаже и мое нежелание продавать ее, то это до странности дешево.

Мужчина. Принимая во внимание, что вы не хотите ее продавать...

Продавец. Просто невероятно дешево, смехотворно дешево. А вы из полиции?

Пауза.

Мужчина. Я? Из полиции?

Продавец. Ну да. И тогда это объясняет ваше стремление ее приобрести. Ведь только полиция проявляет такую настойчивость в том, чтобы выслеживать литературу.

Мужчина. Уверяю вас, что я не...

Продавец. Не надо меня ни в чем уверять.

Мужчина. Мне просто нужна эта книга.

Продавец. Чтобы сжечь ее. А потом, поздно ночью, вы вернетесь, чтобы сжечь и меня. Но меня здесь уже не будет. Я буду далеко, но где — не скажу. А те, кому дорога истина, скажут: “Его здесь нет. Он далеко. На улицах другого города. Возможно, в Цюрихе...”

Мужчина. Послушайте, я порядочный человек, и мне нужны знания, которые, как я полагаю, может содержать эта книга. Я...

Продавец. “...или во Франкфурте. Да, во Франкфурте” — скажут они.

Мужчина качает головой и отходит.

Будьте прокляты, угнетатели!

Мужчина уходит.

Ненавижу сквернословить, но, чтобы избавиться от подобных типов, позволительно иногда и выругаться. Дерьмо! Вот, и голубь ненавидит мою торговлю, мое дело. (*Вытирает прилавок грязной тряпкой.*) Что ж, вполне понятно. Поглядите-ка, как их тут много и какие они все наглые, эти голуби! Чем больше гадят, тем больше во мне уверенности, что я — последний распространитель знаний. Сомнений нет: угнетатель возвратился к себе в участок, чтобы собрать людей. Скоро они будут здесь и изобьют меня до смерти, прямо на набережной, и никто не обратит на это внимания. Как убедительно он притворялся, что ему нужна эта книга! Она у меня уже двадцать лет. Раз пять я спасал ее от недостойных покупателей. Что за жуткая участь — не продавать книги! Лишь бы не продавать. Как я устал! Честно говоря, мне кажется, он заплатил бы в три раза больше указанной цены. Что лишний раз доказывает, как он не щепетилен. Насколько ещё меня хватит?! Как

долго продлится эта одинокая жизнь? Если принюхаться, можно даже почувствовать запах горелых страниц.

Входит Женщина.

[172]

ил 10/2014

Продавец. Я закрываюсь. И так уже переработал сегодня.

(Закрывает тележку куском ткани.)

Женщина. Вы продавец книг?

Продавец. Нет.

Женщина. Тогда почему...

Продавец. Это — свекла.

Женщина. Почему же у вас руки не покраснели?

Продавец. Вы все знаете. Почему вы меня преследуете? Я старый человек. Все эти годы они хотели уничтожить меня. Одному Богу известно, как я от них ускользал.

Женщина. Я вам помогу.

Продавец. Поможете?

Женщина. Да.

Продавец. Как именно поможет? Мне не нужна ваша помощь. Вы убийца. Обычно убийцы всегда сначала предлагают помочь. Но у меня есть свисток. И я буду свистеть до последнего вздоха, свистеть до конца, хотя это, конечно, мне не поможет: они не выйдут из машины и будут наблюдать оттуда.

Женщина. Ваша одинокая борьба...

Продавец. Я был женат, благодарю вас.

Женщина. А ваша неизбежная смерть...

Продавец. Что такое вы говорите? Смерть вообще неизбежна. Она была неизбежна уже тогда, когда я еще лежал в пленках и кричал. Вы кто, философ? Не очень хороший философ. Спасибо, благодарю вас, я был женат.

Женщина. Правда?

Продавец. Что вы знаете о правде?

Женщина. В вашей тележке...

Продавец. Мне нужно идти. Я должен встретиться с одним человеком. Он владелец театра.

Женщина. А что вы сделали для простого человека?

Продавец. Я ни разу его не видел. А если вы будете так...

Женщина. Я накладываю арест на ваши книги. И забираю их. Я — мисс Лишман из Министерства образования.

Продавец. Такого не существует.

Женщина. Отпустите ручки тележки. Я официально опечатываю ваши книги. *(Достает из сумки катушку липкой ленты.)*

Продавец. Я ждал вас. Все эти годы я вас ждал.

Женщина. Ставлю печать. *(Обматывает тележку лентой.)*

ПРОДАВЕЦ. Моя речь с костра...

ЖЕНЩИНА. Позже вам передадут инвентарный список.

ПРОДАВЕЦ. Машины едут мимо. Правда опечатана, а машины едут мимо.

ЖЕНЩИНА. И голуби испражняются.

ПРОДАВЕЦ. Конечно. И дальше будут испражняться. Ничто не заткнет эту клоаку. Однажды я видел, как они гадили прямо на бродяжку, когда она рожала. Даже падение Бастилии не изменило их привычек.

ЖЕНЩИНА. Ну вот и опечатано.

ПРОДАВЕЦ. Чтобы больше никогда не увидеть света.

ЖЕНЩИНА. Политика меняется. То, что вчера шокировало, завтра будет восприниматься как самый заурядный текст.

ПРОДАВЕЦ. Опять философствуете. Где вас этому обучали?

ЖЕНЩИНА. Вы не имеете права взламывать печать.

ПРОДАВЕЦ. Я устал. И мечтаю о костре.

ЖЕНЩИНА. Скоро подъедет грузовик. (*Уходит.*)

ПРОДАВЕЦ. И они за рулем. Они выследили нас. Но у них было такое человеческое выражение на лицах... Поневоле теряешь бдительность, когда у агрессора такое человеческое выражение лица.

Входит Мужчина.

МУЖЧИНА. Из-за вашей грубости я почти раздумал покупать книгу. Уже ушел за четыре улицы отсюда, но подумал, что обязан получить эти знания. С какой стати отказываться от них? Знания даются лишь тому, кто настойчив. И я позвонил в банк.

ПРОДАВЕЦ. Слишком поздно.

МУЖЧИНА. Вы продали ее?

ПРОДАВЕЦ. Не продал. Но слишком поздно.

МУЖЧИНА. Вы слишком туманно выражаетесь. Я куплю эту книгу, даже если мне придется драться с вами. Снимайте очки.

ПРОДАВЕЦ. Мои книги опечатаны государством. Вот печать.

Пауза.

МУЖЧИНА. Идиот.

ПРОДАВЕЦ. Да, идиот. Всю мою жизнь я боролся. А борются только идиоты.

МУЖЧИНА. В таком случае, где автор?

ПРОДАВЕЦ. Автор? Умер. Или стал почтальоном. Я забыл.

По крайней мере, он ничего не смог бы вам сказать.

МУЖЧИНА. Очень хорошо. Откройте коробку.

ПРОДАВЕЦ. Открыть?

Мужчина. Почему нет?

Продавец. Это тюрьма. А мне семьдесят лет.

Человек. Тюрьма. А мне двадцать.

Продавец. Скоро приедет фургон.

Мужчина. Взгляните, улицы забиты транспортом. Они застрянут. И мотор перегреется. У нас еще полно времени.

Продавец. Что за безрассудная жажда руководит вами?

Мужчина. Она у вас в единственном экземпляре?

Продавец. А сколько вам нужно?

Мужчина. Я взламываю печать.

Продавец. Вы собираетесь распространять ее. Я это понял, когда только увидел вас, и подумал: он либо полицейский, либо распространитель. Вы размножите ее на машинке и будете оставлять листовки по прачечным.

Мужчина. Да.

Продавец. Так я и знал. Что такое знание — как вы думаете?

Шербет.

Мужчина вспарывает ножом печать.

Соблазнитель. Что вы собираетесь делать? Портить людям жизнь? Только немногие смогут выдержать груз познаний.

Мужчина (*закрывая ему рукой рот*). Еще слово — и ты умрешь.

Пауза, во время которой Мужчина отходит от Продавца к тележке, срезает печать, достаёт нужную книгу и прячет ее под одеждой. Продавец молча наблюдает, не двигаясь с места. Мужчина поворачивается, готовясь уйти.

Продавец. Цюрих.

Мужчина неловко оглядывается.

У реки.

Мужчина уходит.

Под деревом.

Восторг немой женщины

Действующие лица

МУЧИТЕЛЬ

ЖЕНЩИНА

ЮНОША

Комната в доме. В ней сидит Женщина. Входит Мучитель с мешком.

Мучитель. Мне сказали, что у вас найдется для меня комната. У вас есть свободная комната?

Женщина молча смотрит на него.

Есть у вас комната? У вас есть комната, но вы не доверяете мне. Что ж, я вас понимаю — ведь я не местный, и акцент у меня странный. К тому же я грязен с дороги. Но я заплачу вперед. Вернее, поскольку денег сейчас у меня нет, я оставлю вам в залог свой мешок с инструментами. (*Снимает мешок и ставит его на пол.*) Мне сказали, что с вами следует расплачиваться по пятницам, верно? Я иностранец, и хотя с одной стороны не похож на вас, зато в других отношениях ничем не отличаюсь. От этого и будем танцевать.

Женщина не реагирует и продолжает молча смотреть на него.

Не знаю, что означает ваше молчание. Мне часто приходилось сталкиваться с молчальниками, но в конце концов они все начинали говорить. Кто знает, может и с вами будет так же... Я человек дела, но за завтраком ем мало. Кроме того, крепко сплю по ночам и никого к себе не вожу. Я не склонен ни к одиночеству, ни к чрезмерной общительности. Что вы на это скажете? Впрочем, упрашивать вас сдать мне комнату я не стану. Скорее буду валяться в канаве, чем умолять о чем бы то ни было. Я гордец, и это, скорее всего, мой единственный недостаток. (*Пауза.*) Ну что ж, похоже, я вас не устраиваю. (*Собирается уходить. Останавливается.*) А, вспомнил. Вы же глухонемая. В замке мне об этом говорили. Теперь понимаю, что поставил нас обоих в дурацкую ситуацию. (*Смеется. Пауза.*) Я Мучитель. Мучитель из Польши. Мне предложили работу в замке. Новый владелец сказал, что больше не будет никаких пыток — это против его совести. И уволил предыдущего Мучителя, который, как и я, отправился искать работу. Но через полгода необходимость в пытках стала всем очевидна. Что вполне естественно. И с казнями та же история: без них тоже долго не обойдешься. Мне повезло появиться перед воротами замка, как раз когда открылось это вакантное место: стало ясно, что без него не обойтись. У меня были соответствующие рекомендации от прежних работодателей. Все они с большой неохотой расставались со мной. Но я не могу долго находиться на одном месте, по натуре я бродяга. Люблю переходить с

места на место, тем более что нужда в моем ремесле не отпадает. Ну, теперь могу я идти наверх, курва ты этакая? Смотреть на тебя противно. А говорить с тобой — и по-давно. Что уставилась на меня, как баран на новые ворота? Сам знаю, что комнаты твои вонючие.

Берет мешок и поднимется наверх. Беззвучно входит Юноша.

Юноша. Ну что, он уже здесь? Снял комнату? Я подожду. (Пауза.) Слышишь, как он там бушует? Передвигает мебель, топает, как слон, — с потолка сыплется. (Пауза.) А теперь мечтает. Отнеси ему поесть. Поляки любят хорошо поесть.

Женщина выходит. Спускается Мучитель.

Мучитель. Вонючая дыра, а не комната.

Юноша. Такой человек, как вы, — и в таких жутких условиях?!

Мучитель. Сухая канава! Канализационная труба, а не комната! Я весь содрогаюсь при мысли, что придется там спать. Одна простыня чего стоит! Ее что, вымочили в блевотине мертвеца? Но, как бы то ни было, я остаюсь.

Юноша. Какой скандал — такой человек, как вы...

Мучитель. Да.

Юноша. ...чье умение заслуживает... нет, чье искусство заслуживает высочайшего уважения и соответствующих условий...

Мучитель. Ты отлично умеешь льстить. Но мне не требуются подмастерья. Все, что необходимо, я делаю сам.

Юноша. Я восхищаюсь вами. Целеустремленный мастер, который оставляет за собой только...

Мучитель. Боль.

Юноша. Или правду. Как плотник, который, выполнив работу, уходит, унося инструменты и оставляя после себя отремонтированные двери и прочие мелкие образцы своего искусства. Так и вы...

Мучитель. Сплющенные и раздробленные пальцы, пустые глазницы, черные, как ночь.

Юноша. Вы такой доступный, понятный и открытый. Я вами восхищаюсь. Сам я не владею никаким ремеслом.

Мучитель. Ты блестяще умеешь льстить.

Юноша. Правда?

Мучитель. Это может помочь тебе при устройстве на работу.

Юноша. На должность льстеца?

Мучитель. Да. А ты никогда об этом не задумывался?

Юноша. Как о профессии? Нет.

Мучитель. Я вот тоже никогда не думал, что боль будет моей профессией. Тем не менее с ней мне не приходится страдать от отсутствия еды, жилья и женщин. Подобные открытия — как удар молнии: озаряют путь в будущее.

Юноша. Я подумаю над этим.

Входит Женщина с тарелкой еды. Мучитель садится и ест.

Мучитель. Что я презираю, так это когда плохо разбираются в собственном ремесле.

Юноша. О да, я понимаю.

Мучитель. Как льстец лучше достигает цели, если и сам хотя бы отчасти верит тому, что сочиняет, так и в моем ремесле необходимо сосредоточиться на одном: на признании. И не увлекаться болью ради нее самой. Иногда мне даже удавалось достичь цели, вообще не причиняя боли, а лишь описывая ее. Другое дело, когда исполняешь наказание. Об этом я никогда не думал как о пожизненной работе. Впрочем, другие, бывает, считают иначе. Не суп, а квинтэссенция помоев! Почему она немая? Из-за того, что родилась глухой?

Юноша. Ей отрезали язык. И порвали барабанные перепонки.

Мучитель. Вот как?

Юноша. Это — моя мать. Однако и ее материнство существует лишь в определенных пределах. Вы правы: она грязнуля. Бывает, я поколочу ее, но потом думаю: она же подарила мне жизнь.

Мучитель. Крысы тоже дарят жизнь своему мерзкому потомству.

Юноша. Конечно, глупое чувство. Ведь мы рождаемся в результате убогих совокуплений. О нас в те моменты не думают. Действительно, в этих ситуациях я никогда о потомстве не думал. В ваших рассуждениях вы выходите за пределы общедоступного.

Мучитель. Что ж, твои комплименты вполне к месту.

Юноша. Это от восхищения.

Мучитель. Ну вот, опять.

Юноша (со смехом). О да.

Мучитель. Не можешь остановиться.

Юноша. Вовсе нет. Но кто наймет на работу льстеца?

Мучитель. Ну, кто-нибудь из власть имущих, разумеется.

Юноша. Точно — власть имущие.

Мучитель. Или наоборот: какой-нибудь отшельник.

Юноша. Отшельник?

Мучитель. Да. Поскольку за свой отказ от власти он нуждается в восхвалении. И напрашивается на комплименты.

Юноша. Но мы все их любим.

Пауза.

[178]

ИЛ 10/2014

Мучитель. Она смотрит на меня, как побитая собака. Как дворняжка, которая, того и гляди, отдаст концы. Вот оно, истинное лицо той, которую ты называешь своей матерью.

Юноша. Не знаю, почему она недовольна жизнью. Ей живется не так уж и плохо. В замке ее не продержали и семи лет. А ведь бывает, что оттуда вообще не возвращаются. Так что ей повезло. Но она начисто лишена чувства благодарности.

Мучитель. За какое такое преступление она туда угодила?

Юноша. За эгоизм.

Мучитель. Разве это — преступление?

Юноша. О да. Она уверяла, что знает то, чего другие не знают. И говорила длинными предложениями.

Неожиданно Мучитель резко встает из-за стола, идет в угол и совывает два пальца в рот. Его рвет.

Что с вами?

Мучитель отмахивается, вытирает рот рукой и возвращается на место.

Могу я...

Мучитель. Вот странно. Иногда, хотя очень редко, те, кто испытывают страдания, не обретают достоинства, которое приходит с опытом, а вместо этого стремятся к мелочному возмездию. Вполне возможно, что суп был отравлен. Впрочем, я не могу этого утверждать с уверенностью. Я лишь высказываю предположение. И по тому, как эта старая курица смотрит на меня, ясно, что она не исполнилась величием духа, которое приносит боль.

Пауза.

Юноша. Какой удивительный человек!

Мучитель. Нетрудно удивить, сказав правду. У меня мало врагов, хотя я проводил свои жертвы бесконечными коридорами боли.

Юноша. Ради обретения истины.

Мучитель. Истины? Нет. Меня не интересует истина, только — признание.

Юноша. Понятно.

Мучитель. Тебе понятно?

Юноша. Пытаюсь понять.

Мучитель. Признание, даже если оно несостоятельно, совершенствует душу. Сначала жертва принимает участие в акте, который приводит к ее аресту. И когда он осуществился, она — с одной стороны — обретает моральную силу, если совершила преступление во имя свободы, либо — с другой стороны — погружается в царство зла: если преступила закон, как говорится, со зла. Не бывает наказания без причины.

Юноша. Вы хотите сказать, что все мы...

Мучитель. Все заслужили боль. Я всегда думаю об этом, когда моя жертва в отчаянии выкрикивает: “Я не виновен!” Полагаю, что в муках болезни никому не приходит в голову вопить: “Я не виновен!” Ведь так?

Пауза.

Юноша. Выходит, пытка — та же болезнь.

Пауза. Мучитель встает.

Мучитель. Она когда-нибудь спит? У нее запавшие глаза, как у человека, страдающего бессонницей.

Юноша. Но в таком случае, и вас самого однажды смогут вздернуть на дыбе.

Мучитель (*пристально смотрит на него*). Я жду этого изо дня в день. Конечно, смотрю в оба — никто ведь добровольно не подставит самого себя болезни. К тому же я часто переезжаю с места на место.

Юноша. Для такого ремесла, как ваше, надо обладать истинной верой.

Мучитель. Мне повезло: сначала меня воспитывал верующий человек, а потом человек, порвавший с Богом. Оба они, однако, разделяли ту точку зрения, что жизнь и боль неразрывно связаны между собой. Тут есть трактир? Вечерами я основательно выпиваю.

Юноша. Боюсь, здешняя компания покажется вам скучной, к тому же от здешних жутко воняет. А вы так чистоплотны — и в мыслях, и телесно.

Мучитель. Запомни, когда начнешь карьеру, называй себя не льстецом, а правдолюбцем. Напирай на свою твердость и на резкость своих суждений. И уж затем действуй, как обычно. Тогда сможешь выбраться из этой дыры.

Встает и уходит. Женщина смотрит на Юношу.

Юноша. Да, знаю. И все сделаю. Сказал же, что сделаю, когда он вернется — пьяный или только подвыпивший, но я это сделаю. Отправляйся наверх и жди. Когда услышишь шум, быстро спускайся. Прихвати швабру и ведро.

Женщина поднимается вверх. Юноша нервно ходит взад-вперед. Вынимает перочинный нож, открывает его, протирает и снова складывает. Возвращается Мучитель.

Мучитель. Ты был прав. Там насквозь все провоняло.

Юноша. Быстро вы вернулись. Много выпили?

Мучитель. Много. В таких отвратных местах поят отличным пивом.

Юноша. Вы много выпили, но по вам этого не скажешь.

Мучитель. А тебе бы хотелось, чтобы я выглядел иначе?

Юноша. Нет. Просто обычно наши жильцы возвращаются назад на четвереньках.

Мучитель. Значит, им не надо наутро идти на работу.

Юноша. Да, большинству не надо.

Мучитель. А что, старая карга спит?

Юноша. Она поднялась наверх.

Мучитель. Ну и я пойду — под свое засонное одеяло.

Юноша. Спокойной ночи.

Мучитель. Спокойной ночи.

Внезапно поворачивается, набрасывается на Юношу и начинает душить его. Юноша кричит. Борются.

Мучитель. Танцуй!

Юноша. Что? Я...

Мучитель. Танцуй!

Кружит его по комнате, имитируя танец. Танцуя, они задевают стул, он падает.

Юноша. Но я...

Мучитель. Танцуй! Потанцуем!

Юноша. Я задыхаюсь!

Мучитель. В этом дворце гостеприимства!

Юноша. Не могу!

Мучитель. Любовь! Любовь!

Юноша. О!

Мучитель (*сжимая его в объятиях*). Говори: “Любовь!” (*Кружатся по сцене.*) О, Расскажи мне, что у тебя на сердце.

Спускается Женщина с шваброй и ведром. Мучитель прекращает танцевать, но по-прежнему держит Юношу в объятиях. Тот в полубессознательном состоянии еле держится на ногах.

Мучитель. Смотри, она пришла, как и я в конце тяжелого рабочего дня, — с шваброй и ведром, чтобы смыть пятна. Я тоже люблю жизнь.

Пауза. Женщина падает на колени и жестами умоляет его.

Молча! Как это прекрасно! Ее способ. Ее молчание: оно удивительно красноречиво.

Юноша пытается вырваться из его объятий.

Ш-ш-ш... (*Мучитель сильнее сжимает его.*) Это — пытка. Несмотря на всю свою ненависть ко мне, сейчас она должна меня умолять.

Юноша. Она меня любит.

Мучитель. Да. И предлагает себя: возьми меня, меня! Ведь тот, кто познал боль, знает куда больше. И все эти страдания — ради тебя. Это наподобие второго рождения.

Женщина жестами умоляет Мучителя отпустить Юношу, но он продолжает его душить. Наконец, тело Юноши соскальзывает на пол. Мучитель возвращается к столу и садится. Он тяжело дышит. Женщина неподвижна.

Мучитель. О мама! Верь мне, мама: теперь, когда тебе так страшно, я буду твоим сыном. И стану ухаживать за садом. Я остаюсь с тобой.

Она согласна с доводами, но...

Действующие лица

ЖЕНЩИНА-ИНСПЕКТОР

ПОСЕТИТЕЛЬНИЦА

МУЖЧИНА

В кабинете, за столом — Инспектор. Появляется Посетительница и подходит к столу.

Инспектор. Мы очень рады, что вы смогли прийти.

Посетительница. Это было... (*Садится, показывая жестом, что это не стоит упоминания.*)

Инспектор. И все же мы рады. (*Пауза.*) Я вижу, у вас лодыжка обнажена? (*Пауза.*) Понимаете, о чем я? Понимаете? Ну конечно, вы понимаете. (*Пауза.*) И глаза у вас подведены...

Посетительница. ...тушью.

Инспектор. Вот именно — тушью. Я очень рада, что вы пришли, потому что нам хочется понять — и вам, полагаю, тоже. Очень хочется понять. (*Пауза.*) Видите ли, ведь подобное, как нам кажется, служит подстрекательством к преступным действиям. Что вы на это скажете? (*Пауза.*) Как мы считаем, этим вы провоцируете социально опасные элементы. И хотя сами рискуете, но и других ставите в рискованные ситуации. Ваша лодыжка

действует как сильный стимулятор, и мне думается, что вы это знаете.

ПОСЕТИТЕЛЬНИЦА. У меня красивые лодыжки.

ИНСПЕКТОР. Красивые? В каком смысле? Ну, в этом как раз я не уверена. Зато уверена — в плохом смысле, ведь их вид стимулирует как раз то самое чувство, которое я имею в виду.

ПОСЕТИТЕЛЬНИЦА. А мне не нравится форма.

ИНСПЕКТОР. Действительно, ее так называют. Но в самом этом слове “форма” уже заключена нежелательная коннотация. Начнем с того, что не надо было ее так называть. К тому же она не удалась. Надо признать, ничего из нее не получилось. Вот девушки и стали зауживать юбки да расстегивать верхние пуговицы намного ниже, чем необходимо, чтобы тело дышало. Поэтому я разделяю ваше недовольство формой. Но причём тут лодыжка? Чего вы добиваетесь? (*Пауза.*) Почему вы молчите? Мы ведь только хотим понять.

ПОСЕТИТЕЛЬНИЦА (*после паузы*). Я хочу... Это — трудный вопрос.

ИНСПЕКТОР. Неужели? Раз вы хотите привлечь внимание к вашим лодыжкам, то, наверное, знаете почему.

Пауза.

ПОСЕТИТЕЛЬНИЦА. Нет, по сути, не знаю.

ИНСПЕКТОР. Сами не знаете почему? Поразительно! Идете и покупаете отрез отличной шерсти, за который рядовая машинистка должна выложить месячную зарплату. Кроите юбку такой длины, чтобы она не прикрывала лодыжек, и при этом не догадываетесь, почему именно такой длины? Давайте по-честному. (*Пауза.*) И все же я очень рада, что вы пришли.

ПОСЕТИТЕЛЬНИЦА (*после паузы*). Я хотела, чтобы мужчины страдали.

ИНСПЕКТОР (*после паузы*). Страдали?

ПОСЕТИТЕЛЬНИЦА. Да. Чтобы они мучились.

ИНСПЕКТОР (*после паузы*). Полагаю, и вы понимаете, что общество обуреваемо кризисами. А от них необходимо избавляться. От кризиса продовольствия, здравоохранения, от газетного кризиса, от эпидемии самоубийств и умопомешательств. Кругом так много отчаяния! И так много надо сделать, чтобы победить его! А вы говорите: “Ко всем этим несчастьям я добавлю отчаяние, которое буду вызывать у других”. Ведь речь идет об отчаянии, не

так ли? Эффект, производимый вашими лодыжками в утреннем транспорте, иначе и не назовешь?!

ПОСЕТИТЕЛЬНИЦА. Конечно: желание и отчаяние.

ИНСПЕКТОР. Кроме того, среди этих отчаявшихся порой обнаруживается настоящий преступник, который — хотите вы того или нет — вряд ли в результате молча отправится домой, где удовлетворится тихой семейной идиллией. Ни в коем случае, ибо преступник желает обладать, и немедленно. Он переплюнет любого банкира по части страсти к обладанию. Вот поэтому-то мы и ввели униформу, которая долгое время сдерживала рост криминальной статистики. Но теперь, благодаря зауженным юбкам и бессмысленному расстегиванию пуговиц, статистика снова пошла вверх. Итак, вы рекламируете свою сексуальность?

ПОСЕТИТЕЛЬНИЦА. Да.

ИНСПЕКТОР. Я рада, что вы пришли. (*Пауза.*) А почему вы не выходите замуж? Будете демонстрировать лодыжки мужу.

ПОСЕТИТЕЛЬНИЦА. Я замужем.

ИНСПЕКТОР. Замужем? Вам мало показывать лодыжки у себя дома?

ПОСЕТИТЕЛЬНИЦА. Не знаю.

ИНСПЕКТОР. Возможно, вас мучит тайное желание изменить мужу?

ПОСЕТИТЕЛЬНИЦА. Совершенно верно.

ИНСПЕКТОР. Вы его разлюбили?

ПОСЕТИТЕЛЬНИЦА. Я люблю его.

ИНСПЕКТОР. Любите мужа, а лодыжки демонстрируете любому встречному в надежде помучить его? Я вас правильно понимаю?

ПОСЕТИТЕЛЬНИЦА. Полагаю, что да.

ИНСПЕКТОР. А как же ответственность по отношению к мужчине, когда он не в силах сдерживать страсть, которую вы в нем пробудили?

ПОСЕТИТЕЛЬНИЦА. Он должен страдать и терпеть.

ИНСПЕКТОР. Но вы же сами заставили его страдать.

ПОСЕТИТЕЛЬНИЦА. Да. Пусть терпит. У него остается шанс меня соблазнить. Тут один взгляд или уместный жест могут сыграть решающую роль. Или даже проявление стыдливости.

ИНСПЕКТОР. Вы, замужняя женщина, открыто заявляете, что вас можно соблазнить?

ПОСЕТИТЕЛЬНИЦА. Да. Я стараюсь быть откровенной.

ИНСПЕКТОР. Обескураживающая откровенность.

ПОСЕТИТЕЛЬНИЦА. Но вы же сами хотели, чтобы я была с вами откровенна. Или я не права? *(Пауза.)* Я еще не встретила такого мужчину. Хотя где-то он, конечно, существует.

ИНСПЕКТОР. И вы продолжаете поиски?

ПОСЕТИТЕЛЬНИЦА *(после паузы)*. Вероятно, да.

ИНСПЕКТОР *(после паузы)*. Мир развивается. В нем время от времени случаются кризисы. Мы боремся за совершенствование демократии. Вы же, замужняя женщина, сверкаете лодыжками в троллейбусе.

ПОСЕТИТЕЛЬНИЦА. Да.

ИНСПЕКТОР. Тогда вы заслуживаете и совсем иных проявлений внимания.

ПОСЕТИТЕЛЬНИЦА. А...

ИНСПЕКТОР. Знаете, в таком случае даже с насильника следовало бы снять половину обвинения. *(Пауза.)* Мои истинные чувства — в полном...

ПРОСИТЕЛЬНИЦА. И что же дальше?

ИНСПЕКТОР. Постарайтесь не доводить свое желание быть до конца откровенной до столь невероятных и...

Входит Мужчина.

ПОСЕТИТЕЛЬНИЦА. Кто это?

ИНСПЕКТОР. Дело в том, что речь может пойти о вашем психическом здоровье.

ПОСЕТИТЕЛЬНИЦА. Кто это?

ИНСПЕКТОР. Я тоже замужем. И у меня есть дети. Я испытываю чувство любви, у меня есть и сексуальная жизнь. Но я не оголяюсь на людях, верно? Может, вы и вправду сумасшедшая? Вам это не приходило в голову?

ПОСЕТИТЕЛЬНИЦА. Кто это?

ИНСПЕКТОР. Вот видите, вы не можете видеть мужчину без того, чтобы...

ПОСЕТИТЕЛЬНИЦА. Я только хочу...

ИНСПЕКТОР. Само по себе появление мужчины вызывает в вас какие-то...

ПОСЕТИТЕЛЬНИЦА. Как я могу продолжать быть с вами откровенной, когда здесь...

ИНСПЕКТОР. Он — такой же человек, как и мы с вами. *(Пауза.)* Масштабы вашей мании таковы, что вы отказываетесь верить, что он способен видеть в вас просто человеческое существо. Ведь вы убеждены, что один вид ваших лодыжек вызовет у него чисто сексуальные реакции. Тем самым вы стремитесь подавить и извратить его естественные человеческие чувства. *(Пауза.)* Но он способен

не поддаться вам. И оставаться свободным. Взгляните, как он спокоен. В его взгляде нет и намека на вожделе-ние. Сплошное дружелюбие. А ваша лодыжка — просто часть обнаженной и, следовательно, абсурдной в данной ситуации человеческой плоти. Разве он обнажил свою лодыжку? А ведь и у него есть лодыжки.

ПОСЕТИТЕЛЬНИЦА (*после паузы*). Вы пытаетесь подорвать нашу психику.

ИНСПЕКТОР. Послушайте, если доводы разума воспринимаются вами как попытка сломить психику, значит, ваше собственное психическое здоровье можно подвергнуть некоторому сомнению. Уже одно то, что мужчина не обращает внимания на вашу половую принадлежность, разрушительно действует на вашу психику. Не так ли?

ПОСЕТИТЕЛЬНИЦА. Вполне возможно.

ИНСПЕКТОР. Вы ведь самоутверждаетесь через сексуальность?

ПОСЕТИТЕЛЬНИЦА. Да.

ИНСПЕКТОР. Признаете, что являетесь рабой извращенного отношения к разделению полов?

ПОСЕТИТЕЛЬНИЦА. Да.

ИНСПЕКТОР. Потрясающе!

ПОСЕТИТЕЛЬНИЦА. Мне кажется, я боюсь этого мужчину больше, чем откровенного насильника.

ИНСПЕКТОР. Ого?!

ПОСЕТИТЕЛЬНИЦА. Я пытаюсь быть с вами откровенной.

ИНСПЕКТОР. Но только на словах. На деле же вы хотите, чтобы вами восхищались. Однако, мы полагаем, что, скорее всего, вы сошли с ума.

ПОСЕТИТЕЛЬНИЦА (*после паузы*). Мне надо идти.

ИНСПЕКТОР. Вопрос в том, сможем ли мы изыскать средства, чтобы содержать полицию, чье время и энергия уходят на поиски насильников и таких женщин, как вы. Особенно сейчас, в период кризиса.

Пауза. Посетительница подходит к Мужчине.

ПОСЕТИТЕЛЬНИЦА. Вы должны попытаться спастись.

ИНСПЕКТОР. Ха-ха!

ПОСЕТИТЕЛЬНИЦА. Хотя бы попытаться.

ИНСПЕКТОР. На этих каблуках вы выглядите просто по-идиотски.

ПОСЕТИТЕЛЬНИЦА. Посмотрите на меня, посмотрите же.

ИНСПЕКТОР. Его это не трогает. Он лишь смущен, как был бы смущен любой на его месте — в присутствии умалишенной.

ПОСЕТИТЕЛЬНИЦА. Посмотрите же на меня! (*Бьет его по лицу.*)
МУЖЧИНА. Она меня ударила.

Пауза. Посетительница подходит к столу, облакачивается на него.

ПОСЕТИТЕЛЬНИЦА. Вам хочется, чтобы я была сумасшедшей. А на деле, это вы сошли с ума.

ИНСПЕКТОР. Разве? Разве это я ношу дурацкие каблуки? Или одежда у меня тесная настолько, что мне в ней не по себе? Возьмите зеркало, загляните в него и спросите сама себя: кто здесь сошел с ума? Взгляните в эти глаза, обведенные сажеей, и задайте себе вопрос: кто здесь сумасшедший?

ПОСЕТИТЕЛЬНИЦА (*после паузы*). Вы заставляете меня стыдиться того, чего стыдиться я не должна.

ИНСПЕКТОР. Мы только хотим, чтобы вы поняли.

Пауза. Посетительница резко поворачивается, идет к двери и выходит из комнаты. Раздается стук каблуков по каменным ступенькам лестницы.

Непредвиденные последствия патриотического акта

Действующие лица

ЮДИФЬ

СЛУЖАНКА

ЖЕНЩИНА

Через год после убийства Олоферна Юдифь возвратилась к себе в деревню.

Юдифь. Поскольку израильтяне не смогли одержать победу над врагом, чья изобретательность исключала возможность взять над ними верх силой оружия, они и послали меня соблазнить его. Ведь я была самой красивой женщиной своего времени. Это оказалось нетрудно. Я пришла к нему в лагерь вместе со своей служанкой и соблазнила его. А когда он заснул, отрезала ему голову.

Служанка. Мы положили голову в мешок, и, когда проходили мимо часовых, они спросили: “Что у вас в мешке?” — “Будущее Израиля”, — ответили мы. Через неделю Юдифь потеряла дар речи.

Юдифь. Восемь месяцев я не могла говорить.

Служанка. Это явилось ударом для всех — ведь она была героиней Израиля, а выглядела совсем неважно. Но кому,

скажите, нужны больные герои? Поэтому ее отослали в деревню, и здесь она родила. С появлением ребенка речь к ней вернулась.

Входит Женщина-горожанка.

Женщина. Ты выглядишь такой счастливой.

Служанка. Она счастлива здесь.

Женщина. По ней видно. Однако нельзя ставить свое личное счастье выше всего прочего. Никому еще это не удавалось, увы.

Служанка. А вдруг?

Женщина. Юдифь, ты подала такой пример всем нашим женщинам! На всех фронтах мы гоним врага — далеко за пределы страны. Теперь у нас новые границы.

Служанка. И новые враги.

Женщина. Все это — только благодаря тебе. Возвращайся в город.

Юдифь. Я люблю тишину.

Женщина. Ты принесла жертву ради народа. Теперь он должен иметь возможность выразить тебе свою благодарность.

Служанка. Увы.

Женщина. Не следует скрываться — тебе не к лицу ни эта добровольная ссылка, ни прогулки в одиночестве: этим ты унижаешь величие своего свершения и обесцениваешь нашу гордость. И ребенка привози. Народ примет его, доказав тем самым, что готов к миру даже с племенем Олоферна.

Служанка. Но мы еще не собрали маслины.

Женщина. Юдифь, я обращаюсь к тебе от имени народа.

Служанка. Ой, не надо нам этого.

Женщина. С какой стати этому существу позволено открывать рот? (*Пауза.*) Прошу прощения, я сплуну: слюна накопилась. Извини.

Юдифь. Я достаточно сделала для народа.

Женщина. Ты уверена?

Юдифь. Да. Вполне достаточно. Даже слишком.

Женщина. Ты принесла жертву, возможно даже, величайшую жертву, которую способна принести женщина.

Юдифь. Согласна.

Женщина. Ты переспала с мужчиной против своей воли. А ты не стыдишься этого?

Юдифь. О нет.

Женщина. Не чувствуешь себя униженной и?..

Юдифь. Нисколько. Я часто совокуплялась с мужчинами, которых не любила. Часто, уверяю тебя. И мне никогда не было стыдно.

Женщина (*после паузы*). Ну что ж, может быть и так. Бывает.

Юдифь. Да и насилие я совершаю не впервые. Но его голову, как известно, мне пришлось распилить и разрубить на части — вот это был ужас! Этот звук я не забуду до конца моих дней. Впрочем, это неважно.

Пауза. Женщина пристально смотрит на нее.

Женщина. Тогда я что-то не понимаю...

Юдифь. Это было преступление.

Женщина (*после паузы*). А война, которую Олоферн развязал против нашего юного государства, разве не преступление? А то, что он поклялся истребить наш народ и рассеять его по миру, — разве не преступление? Да, ты совершила преступление, но мелкое, крошечное: преступление-насекомое, преступление-микроб. Вернись в Иерусалим. И дай нам возможность выразить тебе наше восхищение за твое преступление. Я обязана тебе жизнью моих внуков. Дай я тебя поцелую, преступница. (*Целует ее.*)

Юдифь. Я отдавалась ему со страстью. Она свидетельница. Ты же слышала, как я?..

Служанка. Еще бы. Даже я...

Юдифь. Даже она возбудилась, а уж он — тем более.

Служанка. А сначала, когда она разделась, он взглянул на нее и отодвинулся.

Женщина. К чему мне такие подробности?

Служанка. Обнаженные и непереносимо прекрасные, они сидели и смотрели друг на друга. Любовались друг другом, впитывали друг друга. Воздух загустел от их взглядов.

Женщина. Может, хватит?

Юдифь. Видишь ли, в тот момент я искренне вождедела его.

Женщина. Вот это да! Так это не было притворством с твоей стороны?!

Юдифь. Ни в коем случае. Конечно же нет.

Женщина. Что ж, все мы люди, и в чем-то — животные.

Юдифь. А израильтяне... в тот момент я напрочь забыла о них.

Женщина. Не верю.

Юдифь. Я сгорала от желания, я распалилась всерьез.

Женщина. Говорят, он был красивым мужчиной.

Юдифь. Нет, совсем нет.

Женщина. Нет?

ЮДИФЬ. Я была готова вдыхать с ним один воздух, принять его в себя целиком, вобрать в себя его голову, его плечи — если б только смогла...

ЖЕНЩИНА (*после паузы*). Что ж, наверное, это весьма приятно — получить истинное удовольствие при выполнении государственной миссии.

ЮДИФЬ. Ненавижу подобные удовольствия.

ЖЕНЩИНА. Послушай, я здесь не для того, чтобы меня угощали подобными...

СЛУЖАНКА. Заткнись. Она рассказывает именно тебе.

ЖЕНЩИНА (*после паузы*). И тебе тоже.

ЮДИФЬ (*после паузы*). Мне было тогда все равно — убей он моего отца, разбей головы детям, покори хоть весь Израиль...

ЖЕНЩИНА. Ты потеряла рассудок. Что, по-моему, еще больше увеличивает в цене твой подвиг. Высшее напряжение воли, триумф патриотического чувства, квинтэссенция трагедии. Пойдем в город, и ты всем расскажешь об этом. Я буду рядом с тобой. (*С улыбкой.*) ЮДИФЬ! (*Протягивает ей руку.*) Моя дорогая!

Юдифь выхватывает из-под одежды кинжал и отсекает ей руку.

СЛУЖАНКА. О! Ты это сделала!

ЖЕНЩИНА. А-а!

СЛУЖАНКА. Ты все-таки сделала это.

ЮДИФЬ. Я отсекала жест любви и доверия. Предала, наконец-то предала.

ЖЕНЩИНА. Скорее, отведи меня к ортопеду.

Служанка подхватывает ее и выводит.

Рука!

Служанка возвращается, поднимает отрубленную руку, заворачивает ее в кусок ткани и убегает.

*Философски настроенный лейтенант и три
деревенские женщины*

Действующие лица

ЛЕЙТЕНАНТ

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА

ТРЕТЬЯ ЖЕНЩИНА

ПРАПОРЩИК

Жаркий летний полдень. Лейтенант сидит в шезлонге с закрытыми глазами. Входят три деревенские женщины в местной крестьянской одежде. Опускаются перед ним на колени.

[190]

ил 10/2014

ЛЕЙТЕНАНТ (*не открывая глаз*). Я знаю, что вы здесь — встали на колени, уткнулись лбами в грязную землю, не обращая внимания, что пачкаете одежду: она уже в пыли и потемнела от грязи. А ведь утром вы достали ее из сундуков, постирали и выгладили, набрали цветов на склоне холма и пришли сюда. Со дня ваших свадеб вы не выглядели такими чистыми и аккуратными. (*Открывает глаза.*) Это что: ваши национальные костюмы? Я и не знал, что крестьянки здесь так одеваются. Встаньте. Я лейтенант артиллерии, а не Бог. Хотя, в глубине души, и мог бы считать себя таковым по причинам, которые вас не касаются.

Женщины поднимаются с колен.

Я собираюсь уничтожить вашу деревню. И все девственницы на свете, все нижние юбки, вместе взятые, — как бы прекрасно они ни были вышиты, — не помешают мне сделать это. Однако вы можете просить. Я не настолько бессердечен, чтобы запретить вам умолять меня. Хотя не изменю свое решение ни на йоту.

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА. Мой первый ребенок — слеп от рождения. Не знаю, за какой грех Бог так покарал меня. Здесь он управляется со скотиной. Ей нравится его голос. Животные жалеют его и дают больше молока, когда доит их именно он. Если деревня будет уничтожена, он станет бродягой, свалится в канаву и уьется.

ЛЕЙТЕНАНТ. Напротив. Гибель деревни станет для него началом новой жизни. Судя по твоим описаниям, он обладает редким даром, который высоко оценит любой крестьянин. Здесь же, в глуши, где он торчит только в угоду твоей жалости, его дар пропадает впустую. Своей добротой ты только губишь его. Ты об этом не думала? Поэтому первый выстрел с батареи будет означать освобождение слепого пастушка. Если, как ты уверяешь, у него такая власть над животными, они помогут ему выбраться из любой канавы.

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА. Очевидно, что жалостью тебя не проймешь. Поэтому я не стану ни перечислять всех увечных и больных нашей деревни, ни рассказывать о том, какой это тяжкий труд — собирать хворост, рыть колодец или канаву, чтобы дожди не заливали нашу главную ули-

цу. Не буду описывать, сколько труда надо затратить женщинам, чтобы украсить церковь к празднику, или мужчинам — на резьбу алтаря в ней. Не упомяну и о трудностях с постройкой нашей маленькой тюрьмы. Потому что все это оставит тебя равнодушным. Добавлю лишь одно: если ты и вправду считаешь себя Богом — а для нас сейчас ты таковым и являешься, невзирая на свою отвратную наружность и испачканную форму, — то вдумайся: разве богам не дано совершенствоваться, истончая свои души и вопрошать свою совесть? Да и вообще — становиться лучше и еще выгоднее отличаться от пехоты, которая только и делает, что насилует и грабит, с тех пор как наша армия ушла из этих мест?

ЛЕЙТЕНАНТ. Боюсь, у тебя слишком узкий взгляд на природу божественного, которая связана не с добродетелью, а с истиной. В наибольшей степени я чувствую себя сверхчеловеком, когда полностью освобождаюсь от жалости и ответственности: в такие моменты я понимаю, что миром правят только законы истории. А если попроще, то вот как: я живу в столице, и, чтобы не лишиться возможности размышлять там в комфорте и безопасности, мы должны выиграть эту войну. Ты сделала умный и тонкий ход, попытавшись воззвать к чувству любви в моей душе, но боги, по определению, выше совести. Это вы, смертные, должны с ней считаться.

ТРЕТЬЯ ЖЕНЩИНА. Трахни меня, если хочешь.

Пауза. Лейтенант поднимается и молча обходит ее.

ЛЕЙТЕНАНТ. Полагаю, ты предлагаешь мне то, что я могу получить безвозмездно. А кроме того, оно мне и ни к чему — на философском уровне я давно это желание подавил.

ТРЕТЬЯ ЖЕНЩИНА. Может, и безвозмездно, но без моего на то согласия. Судя же по тому, как у тебя дрожит подбородок, ясно, что ничего ты там не подавил.

ЛЕЙТЕНАНТ. И что это будет за сделка — между Богом и смертной? Впрочем, ты права: овладеть тобой с твоего собственного согласия или взять тебя силой — качественно разные вещи. Признаю также справедливость твоего замечания в том смысле, что даже самый упорядоченный ум не в силах подавить зов будущих поколений: моя кровь бурлит. Нет-нет, подожди, не задирай юбку. Должен заметить, однако, что ведь могу наслаждаться тобой и тем не менее уничтожить вашу деревню.

Чего тогда стоит твое предложение? Бог не одобряет подобные сделки.

Третья женщина опускает юбку.

Подведем итоги. Своей откровенностью я лишил себя трех удовольствий, чего не сделал бы любой обычный человек: удовольствия продемонстрировать сострадание к слабым, потешить собственную душу и заполучить ребенка от женщины, которую я никогда больше не увижу. Сами видите, что власть нисколько меня не развратила. Тем более что я Бог. Если у вас ко мне больше ничего нет, то я даю команду прапорщику выводить население из деревни. *(Пауза.)* Ага! Теперь, я вижу, вы в полном отчаянии. Но это не аргумент в споре.

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА У тебя больше слов, чем у нас. Ты победишь нас в любом споре. Мы должны спасти деревню, и в таком деле логика — сущая чепуха. Ведь мы на войне. Сначала мы тебе перережем горло, а потом пойдем к прапорщику и зарежем его. Потом зарежем следующего, и так — всех вас, вплоть до полковой собаки. А потом похороним тебя и сбросим со скалы все ваши ружья. И еще увидим, как зацветут цветочки на твоей могиле.

ЛЕЙТЕНАНТ. Можно, я укажу на одну логическую ошибку в твоих рассуждениях?

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА. Ты просто пытаешься заговорить нас, чтобы спасти свою жизнь. Мы не хотим тебя слушать.

ЛЕЙТЕНАНТ. У меня нет другого выбора. Цель моей жизни — размышлять и формулировать истину. Например, ту, что солдат у меня, что пчел в улье: прихлопните одну — налетят роем, и, вместо того чтобы лишиться деревни, лишитесь жизни.

ТРЕТЬЯ ЖЕНЩИНА. Мы — это деревня, а деревня — мы.

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА Твои рассуждения справедливы, но мы все равно исполним задуманное.

ТРЕТЬЯ ЖЕНЩИНА. Удивиться и умереть — неплохой конец для такого человека, как ты. *(Убивают его.)*

ГОЛОС ПРАПОРЩИКА из-за сцены. Эй!

Женщины убегают. Вбегает Прапорщик с ружьем.

ПРАПОРЩИК. Эй, вы! *(Бежит за ними. Раздаются три выстрела.)*

Действующие лица

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА

МУЖЧИНА

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА поджидает Мужчину. ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА ждет вместе с ней.

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА. Тш!

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА. Это не он.

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА. А вдруг?..

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА. Нет, это не он.

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА. Лошадь-то его.

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА. Но он не на лошади.

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА. Если только он изменил своим привычкам.

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА. Или я — своим.

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА. Его шаги.

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА. Но он хромает.

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА. Ранен?

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА. Он не ранен.

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА. Его стук в дверь.

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА. Кто-то подражает ему.

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА. Вот это любовь! Как ты изголодалась! Даже думать не смеешь о нем, даже вообразить себе его не решаешься. Все эти годы ты не осмеливалась даже на ожидание, запрещала себе надеяться. И сейчас любые доказательства его возвращения вызывают у тебя подозрения.

Стук в дверь.

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА. Не уходи.

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА. Почему?

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА. Тут что-то не так.

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА. Что именно?

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА. Или это не он, или он не такой, каким был прежде.

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА. Это его дом.

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА. Здесь был его дом, и я была его женщиной.

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА. Ты так сильно любишь его, что страшись малейшей перемены. Вы оба изменились, как две лодки в одном потоке, которые плывут параллельно друг другу. (*Идет открыть дверь.*)

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА. Я знаю: ты будешь убеждать меня, что это он. Но это не он. Твои слова означают лишь, что тот, кто сейчас войдет сюда, похож на него.

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА. Это была долгая война. Пойди и встретить его.

Уходит. Первая женщина закрывает лицо вуалью. Вторая женщина возвращается.

Думаю все же, что это он.

Входит Мужчина с тяжелым мешком. Опускает его на пол.

Мужчина. Была долгая война, поэтому и мешок тяжелый.

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА. Ты многих убил?

Мужчина (*смотря на нее*). Убивал, конечно, убивал. Одни были смелые, другие — безрассудные, а порой они убежали. Заранее не угадаешь, поэтому иногда мы наступали, ожидая, что они убегут, а они нападали на нас. Но бывало и наоборот: со страхом ожидаем их атаки, а они вдруг сами исчезнут в темноте, рыдая от испуга. И все это, похоже, без какой бы то ни было причины. Но всё же... независимо от того сражались они или бежали от нас, мы догоняли их и рубили им головы. Вот тут, в мешке, — головы героев и трусов. Какие кому принадлежали, сейчас уже не различить. А теперь дайте мне стул, если мне позволительно сесть в своем собственном доме.

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА (*заглядывая в мешок*). И правда, там головы.

Мужчина. А ты думала, что я шучу, и там кочаны капусты?

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА выходит.

Ты не поднимаешь вуаль. И правильно делаешь. Держишься от меня на расстоянии. Тоже правильно. Я так долго ждал этого, что еще несколько часов не сделают погоды.

Вторая женщина возвращается со стулом. Он садится.

Вот я и дома. Запах еды на плите... Значит, всё в порядке.

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА. А что их женщины?

Мужчина. Разумеется, мы их насильовали, а некоторых убивали, но не часто. Кожа у них до странности белая. Что до их деревень, то они долго нас не забудут. Ладно, я что-то разболтался. Есть что рассказать, вот и хочется похвастаться. Скажи, если я тебя утомляю или если говорю слишком громко. И скажи ей, чтобы она ушла. Умираю, как хочу поговорить с тобой наедине.

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА встает.

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА. Не уходи...

Мужчина. Она говорит "Не уходи". (С улыбкой.) А ты по-прежнему жестока.

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА. Что с ним стало?

Мужчина. С кем?

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА. И я умираю... хочу заняться любовью с тобой, но сначала скажи, что стало с ним?

Мужчина (обращаясь ко Второй женщине). Здесь не было других мужчин?

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА. Ни одного. Да кто здесь вообще мог быть?

Мужчина. Войска проходили. Я видел следы колес.

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА. Да, кое-кто проходил.

Мужчина. Офицеры в пыльных мундирах с красными эполетами, мужественные воины в порванных сапогах.

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА. Она пряталась.

Мужчина. Женщина должна прятаться.

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА. Даже от наших союзников.

Мужчина. Правильно делала, что пряталась, а теперь умирает, как хочет мужчину.

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА. Да, умираю, и скоро докажу тебе, насколько сильно. Что стало с моим мужем?

Мужчина. Я твой муж, и, если ты поднимешь вуаль, я поверю, что ты моя жена, хотя готов поймать тебя, что в вуали, что без, прямо тут, на полу.

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА. Чем больше ты говоришь, тем больше я тебя хочу, но мне все еще хочется задать тебе вопрос...

Мужчина. Что за вопрос?

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА. Она хочет знать...

Мужчина. Есть ли еще место в мешке? Мертвецы случайно не ожили? (Подходит к мешку. Вытряхивает содержимое. Головы выкатываются на пол.) Скажи ей, что, если она захочет, я мог бы выковырять пули из глазниц. Многие из голов даже не обезображены, посмотри. У этих остались уши. Может, она предпочитает, чтобы я их отрезал? Я вернулся. И не только спас деревню, не только защитил границу, но и перешел ее. Перешел через горы, где у пастухов странные глаза. И отомстил врагу в их собственных зеленых долинах. Сжег их церкви и школы. И теперь император отодвинет границу на дюжину миль. Что еще может сделать муж? Иди ложись: я заделаю тебе детей, начиню твой живот с такой же силой, с какой вспарывал чужие животы. Подарю тебе смею-

щихся младенцев. А других младенцев я насаживал на штык. Сделаю тебя матерью, хотя уничтожал материнство в других местах.

[196]

ИЛ 10/2014

Пауза. Первая женщина поднимает вуаль и целует его в губы.

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА. Она хочет его с такой страстью, какую не испытывала к первому мужу.

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА. Долгое время я не могла узнать тебя. Твой голос изменился. И даже тело. Теперь ты говоришь длинными фразами, а раньше только хмыкал.

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА. Раз это он — я вас оставляю.

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА. Это он, хотя волосы у него другие и глаза — карие, а не серые. И посмотри, какими тонкими стали у него пальцы.

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА. Я ухожу (*Выходит.*)

Мужчина протягивает руку к Женщине.

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА. Убери эти головы, я не хочу, чтобы они смотрели на меня, когда я разденусь.

Он запихивает их обратно в мешок, потом подходит, чтобы раздеть ее.

Нет! У тебя на пальцах их засохшая кровь.

Он хватает тряпку, вытирает пальцы и бросает ее. Снова подходит к Женщине.

Подожди, подожди — от тебя пахнет смертью. Скорее в ванную, и возвращайся таким же невинным как я.

Мужчина. Найдется на свете второй такой терпеливый, как я?

Женщина. Предвкушение этой минуты хранило меня на протяжении семи лет. Если мы сейчас поторопимся и дадим волю чувствам, все будет кончено через секунду. И мне нечего будет вспомнить, когда я останусь вдовой.

Мужчина. Вдовой?

Женщина. Да. Нечего будет вспомнить, когда наступят тихие, пустые вечера.

Мужчина. Останешься вдовой?!

Женщина. Ш-ш. Сосед прибежит.

Мужчина. Но объясни почему?

Женщина. Ты что, бессмертен и не собираешься умирать?

Мужчина. Ну, когда-нибудь.

Женщина. Вот я и останусь твоей вдовой, только и всего.

Мужчина (*после паузы, с улыбкой*). Я многих оставил вдовами.

Женщина. Знаю.

Мужчина. И заставил рыдать там, куда я никогда больше не попаду.

Первая женщина. Хорошо, пусть они страдают и рыдают. Иди же, ванна переливается.

Мужчина оборачивается.

Ты просто красавец. Твои бедра, твои напряженные ляжки — все в тебе совершенно. Все мне нравится: и твой нрав, и твоя речь.

Пауза. Мужчина выходит. Входит Вторая женщина.

Вторая женщина. Ну что, он уже?..

Первая женщина. О боже, я умираю от желания.

Вторая женщина. Как прекрасно! А что он, он уже?..

Первая женщина. Я отослала его помыться.

Вторая женщина. Я пойду.

Первая женщина. Нет-нет, побудь со мной. Я дрожу от желания, посмотри на мои пальцы. А его нагота...

Вторая женщина. Не смею даже вообразить...

Первая женщина. Его голос...

Вторая женщина. Прекрасный голос.

Первая женщина. Слова, голос...

Вторая женщина. Замечательные слова. (*Пауза.*) Но они ли это? (*Пауза.*) Это ведь не он, правда не он? (*Пауза.*) Тш-ш-ш! Возвращается. Видно, что ужасно торопится.

Уходит. Входит Мужчина.

Первая женщина. Так быстро?

Мужчина. Я не стал задерживаться.

Первая женщина. Быстрее, чем...

Мужчина. Даже не полежал.

Первая женщина. Кожа...

Мужчина. ...еще влажная, я не...

Первая женщина. Влажная, как земля.

Мужчина. Дотронься до полотенца.

Первая женщина. Ш-ш-ш...

Мужчина (*после паузы*). Ну, как тебе?

Первая женщина (*после паузы*). Послушай, а эти головы...

Мужчина. Головы?

Первая женщина. Они бормочут.

Мужчина. Бормочут?

Первая женщина. Воют.

Мужчина. Я их уберу.

Первая женщина. Нет, это мы должны уйти.

Мужчина. Уйти? Но...

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА. Я знаю одно место.

Мужчина. А как же наше?..

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА. Не здесь. (*Пауза.*) Я отведу тебя в другое место.

Мужчина. Какое другое место? У нас нет другого места. Мы крестьяне, а не помещики. Какое место?

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА. Я знаю место, куда я тебя отведу.

Пауза.

Мужчина. Нет. Здесь и сейчас.

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА. Нет. Туда — и как можно скорее.

Мужчина. В чем дело?

Она смотрит на него. Пауза.

Хорошо. Хочешь — в поле, хочешь — в сарае или в хлеву.
Прекрасно!

Уходят. Пауза. Входит ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА, садится, ждет. Возвращается ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА.

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА. Я беременна.

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА (*радостно*). Надеюсь.

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА. О да. Его страсть достигла предела. И всю ее он выплеснул в меня. Теперь у меня будет ребенок или я просто не знаю, чему верить....

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА. Он кричал?

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА. Кричал тем жутким криком, каким кричат все мужчины — когда не верят тому, что с ними происходит. А потом его взгляд сделался отсутствующим.

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА (*после паузы*). Ты убила своего мужа?!

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА. Ш-ш-ш!

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА. Ты убила...

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА. Ш-ш-ш! (*Пауза. Она садится.*) Он разжег мою страсть. Его рассказы об этих жестокостях распалили меня. А убийства — наполнили желанием.

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА. Это был он.

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА. Да, это был он. Подумать только: ведь он надеялся обмануть меня!

Причина падения императора

Действующие лица

АЛЕКСАНДР

ОФИЦЕР

СЛУГА

Ночь. Палатка императора Александра. В ней — походная кровать. У выхода — караульный Офицер. Через короткие интервалы доносятся жуткие звуки.

АЛЕКСАНДР. Слышишь? Это враги приканчивают моих солдат.

ОФИЦЕР. Это волки.

АЛЕКСАНДР. Нет, это враги режут глотки нашим солдатам.

Пауза.

ОФИЦЕР. Идите лучше спать.

АЛЕКСАНДР. Нет, я должен это слушать.

ОФИЦЕР. Зачем?

АЛЕКСАНДР. Я должен.

ОФИЦЕР. Да, это они. Они не подбирают раненых, как мы.

Они не такие, как мы. И эти ужасные звуки!

АЛЕКСАНДР. Ты ведь был рядом. Скажи, я дрожал?

ОФИЦЕР. Не слишком.

АЛЕКСАНДР. Дрожал?

ОФИЦЕР. Вы дрожали, но не от...

АЛЕКСАНДР. Не от страха ведь, нет?

ОФИЦЕР. Скорее, от жалости. А в какой-то момент мне показалось, что вы оглохли.

АЛЕКСАНДР. Я все слышал.

ОФИЦЕР. Потом вы опрокинули коньяк прямо на ноги генералам, стаканы покатались по полу наблюдательного пункта и разбились. А сейчас — идите спать. Завтра ожидается новая атака.

АЛЕКСАНДР. Они умирают с моим именем на устах. Слышите? Кричат и умирают. Не могу больше выносить эти крики. Нельзя ли выслать патруль?

ОФИЦЕР. Нет. Это слишком близко к их укреплениям.

АЛЕКСАНДР. Какие ужасные звуки!

ОФИЦЕР. Они молят о пощаде.

АЛЕКСАНДР. Ужаснее этих криков мне ничего не приходилось слышать. Ужаснее и быть не может.

ОФИЦЕР. Они молят о пощаде, но враги всё равно режут им глотки. Так велика их ненависть к нам. Я принесу воск залепить уши?

АЛЕКСАНДР. Не надо.

ОФИЦЕР. Офицеры раздали воск часовым. Но его все равно не хватит на всю армию. К тому же так просто проблеме не решить: с одной стороны, без воска наши солдаты знают о мучениях своих товарищей, и это увеличивает их ненависть к врагам. С другой, если залепить им уши воском, то к завтрашнему дню кровь у них поостынет и

пыл поугаснет. Впрочем, за воском уже послано в столицу. Однако, дороги тут плохие.

АЛЕКСАНДР. А теперь оставьте меня одного.

ОФИЦЕР. Как хотите. Но мой совет — ложитесь спать. Наутро вы посвежеете, и солдаты устремятся к победе, если обретут уверенность в своем Императоре. Если же вы будете выглядеть усталым или огорченным, они пойдут в атаку безо всякой охоты, ибо откуда им будет взять надежду?

АЛЕКСАНДР. Так это — в их интересах, чтобы я не слышал криков?

ОФИЦЕР. Конечно. Вы уверены, что вам не нужен воск?

АЛЕКСАНДР. Спокойной ночи.

ОФИЦЕР выходит. Император ложится. Слышно, как снаружи чистят обувь. Внезапно садится на кровати.

Кто там? (*Пауза.*) Кто там? Входите.

Пауза. Входит крестьянин с обувью Императора. Это — Слуга.

СЛУГА. Ваше Величество.

АЛЕКСАНДР. Ты кто?

СЛУГА. Чищу обувь Императора. Если звук щетки мешает вам, я уйду за конюшню. Пожалуй, там он не будет беспокоить Ваше Величество. Впрочем, я не совсем уверен.

АЛЕКСАНДР. Ты крестьянин?

СЛУГА. Да. Уже шесть лет в полку.

АЛЕКСАНДР. Как спит крестьянин?

СЛУГА. Он спит лучше, чем Император.

АЛЕКСАНДР. Почему? Разве предсмертные вопли собратьев не нарушают его сон?

СЛУГА. Они родились с болью. Они привыкли взрезать глотки коровам. Они избивали, а порой и убивали своих жен. Они умирали от голода в своих убогих хижинах, их калечили сельскохозяйственные машины. Турки отлично управляются с ножами, хотя не так виртуозно, как болгары. Что же касается криков, то ведь они недолги. Корова, она тоже протестует, но кто обращает на нее внимание?

АЛЕКСАНДР. Я думаю об этом. Думаю о горе в далеких деревнях. О сиротах, которые должны чистить длинную белую дорогу.

СЛУГА. Говорят, Император — человек чувствительный. Некоторые говорят, что даже видели, как он плачет, посещая госпиталь.

АЛЕКСАНДР. Да, плачет.

СЛУГА. Но война должна продолжаться, по крайней мере до тех пор, пока не закончится.

Пауза.

АЛЕКСАНДР. Я слушаю тебя, мой младший брат, и понимаю, что должен строить больше школ. Ты умеешь читать?

СЛУГА. Читать что?

АЛЕКСАНДР. Библию.

СЛУГА. Нет. Я слушаю, как ее читают. И соглашаюсь с каждым словом.

АЛЕКСАНДР. Разве она частенько не противоречит сама себе?

СЛУГА. Я соглашаюсь и с противоречиями. Что же касается школ, если бы я научился читать книги, которые читают господа, то я бы только лишился сна. И тогда завтрашнее сражение было бы наверняка нами проиграно. И турки перерезали бы глотки не только нам, но и нашему Императору. И это стало бы Концом Света.

АЛЕКСАНДР. Ты любишь своего Императора?

СЛУГА. Его нельзя не любить.

АЛЕКСАНДР. Но он так часто плачет.

СЛУГА. Я прощаю ему это. У меня была тетка, которая все время плакала и не могла объяснить из-за чего. Просто плакала, и все.

АЛЕКСАНДР. Он плачет о тебе.

СЛУГА. А мы о нем. И это правда. Могу я продолжать чистить ему сапоги? Завтра они ему понадобятся. (*Встает, чтобы взять сапоги.*)

АЛЕКСАНДР. По-моему, это не так.

СЛУГА. (*останавливается*). Прошу прощения, Ваше Величество, я всего лишь простой чистильщик сапог и не умею подыскивать доводы.

АЛЕКСАНДР. Ты лжешь.

СЛУГА. Конечно. Все мы лжем. Но только по случаю.

АЛЕКСАНДР. А ты сущий притворщик. (*Пауза. Они смотрят друг на друга.*) Мой маленький брат! Могу я поцеловать тебя в губы?

СЛУГА. Мои губы и вся моя плоть к услугам Вашего Величества.

Император опускается на кровать. Молча плачет. Слуга наблюдает. Пауза.

Сегодня умер мой брат, и у меня стало вдвое больше детей. Такова жизнь. Он был им хорошим отцом. Но пил так часто, что постоянно награждал их синяками на ли-

це — то всем вместе, то по очереди. И все же они будут плакать. А если умру я...

АЛЕКСАНДР. Прекрати.

СЛУГА. ...их сдадут в приют. Но после войны там не найдется для них места, и они пойдут бродяжничать. Или превратятся в преступников.

АЛЕКСАНДР. Прекрати.

СЛУГА. В каждом из нас сидит убийца. Так повелел Господь. Кого-то повесят, кого-то просто изобьют в наказание, а потом какой-нибудь незнакомец изрубит их на куски, в твоей собственной комнате. Ведь внутри всякой большой войны прячутся маленькие войны. Вот как в этих крашенных яйцах, которые стоят тут у Вашего Величества.

АЛЕКСАНДР. Но я хотел сказать, что...

СЛУГА. Я хочу сказать, что не подобает Императору плакать в присутствии крестьянина.

АЛЕКСАНДР. Совсем наоборот: чего стоит любовь, если она направлена на фантом?.. О, снова эти крики!

СЛУГА. Это полезные звуки, поверьте мне. Их издают жертвы. Прислушайтесь — они кричат во славу императорского дома. Не так, конечно, как кричала толпа на вашей коронации: крики другие, но смысл — тот же. Император должен знать, что люди умирают и будут умирать за него, пока на месте деревень не останутся пепелища, а вместо скотины — скелеты. Мертвецы только подталкивают к новым жертвам. И если Ваше Величество пожелает, то может пуститься в пляс по дороге, усыпанной их черепами.

Пауза.

АЛЕКСАНДР. Я положу конец рабству. Я уничтожу феодализм. Пошлю учителей в каждую деревню. Сломаю привычку выслуживаться и присущее слугам угождение перед вышестоящими. Я добьюсь того, что в каждую хижину проведут электричество. Создам условия, при которых можно будет свободно критиковать каждое проявление негуманности.

СЛУГА. Мне надо дочистить сапоги. Скоро рассвет, а на батарее нужны свободные руки.

АЛЕКСАНДР. Помоги мне раздеться.

Слуга подходит к Императору, расстегивает ему мундир и помогает снять его.

Пальцы у тебя не дрожат.

СЛУГА. А почему они должны дрожать? Если бы они дрожали, это означало бы, что я нелоялен или думаю об измене. Или даже стыжусь того, что делаю. А я не стыжусь. Раздевать Императора дальше?

АЛЕКСАНДР. Раздень Императора догола.

СЛУГА. Тогда он простудится.

В отдалении раздается крик.

АЛЕКСАНДР. Он просто продрогнет.

СЛУГА продолжает раздевать Императора.

Ого, тут у меня дерьмо в штанах.

СЛУГА. Да. У Вашего Величества понос?

АЛЕКСАНДР. Во время атаки меня охватил страх.

СЛУГА. Это была ужасная бойня. Наши солдаты завалили своими трупами турецкие окопы.

АЛЕКСАНДР. Я разрыдался и обкакался.

СЛУГА (*складывая одежду*). А все из-за нехватки снарядов. Поэтому их окопы не были взяты.

АЛЕКСАНДР. Я умолял трубить сигнал к отступлению.

СЛУГА. Я слышал его. Но, думаю, это была ошибка. Из-за этого отступающие столкнулись со второй волной атакующих, и в этой мешанине погибло народу больше, чем если бы атака продолжалась.

АЛЕКСАНДР. Знаю. Все из-за меня.

СЛУГА. Император вправе дать сигнал к отступлению, когда захочет.

АЛЕКСАНДР. Из-за этого погибло еще больше людей.

СЛУГА. Может, завтра повезет больше. Носки оставить? А то земля холодная.

АЛЕКСАНДР. Никаких носков.

СЛУГА. Император покрылся гусиной кожей. Позвольте мне помассировать вам ноги?

АЛЕКСАНДР. Никакого массажа.

Голый, он стоит на земляном полу и дрожит. В отдалении снова раздается крик.

Ты тут один, а я голый. Ты сильный, а я слабый. Ты красивый, а я уродлив.

СЛУГА. Да.

АЛЕКСАНДР. Объясни, почему тебе не удалось убить меня.

СЛУГА. Я должен оправдываться?

АЛЕКСАНДР. Да, должен.

СЛУГА. Император принял меня за зверя. Он обижает меня. Я не зверь, но он может обижать меня, как ему вздумается. Ведь он Император.

Пауза. Александр пристально смотрит на него. Внезапно кричит.

АЛЕКСАНДР. Выпороть этого человека! Эй, бейте его!

Входит ОФИЦЕР.

СЛУГА. За что?

АЛЕКСАНДР. Бейте, бейте его!

СЛУГА. Бог мой, но за что?

Офицер берет его за плечо.

АЛЕКСАНДР. За что? Ни за что. Выпороть его просто так!

Слугу уводят. Александр опускается на кровать. Вновь издали доносится крик. Входит ОФИЦЕР.

ОФИЦЕР. Прикажете выпороть его? В самом деле?

АЛЕКСАНДР. Да. И немедленно.

ОФИЦЕР выходит. Пауза. Издали доносится крик. Александр встает. Слышатся равномерные удары плети. Он слушает. Вновь издали доносится крик.

Сапоги!

Входит ОФИЦЕР.

Никто так и не почистил мне сапоги!

Офицер берет сапоги и выходит. Теперь к звукам, доносящимся за сценой, примешивается звук щетки, которой чистят сапоги. Взгляд Александра устремлен в темноту, а слух полностью поглощён доносящимися до него звуками.